

Комната смеха

Автор:

Анна Данилова

Комната смеха

Анна Данилова

Все началось с платья... Оно сгорело в автоаварии вместе с женщиной за рулем, вместе с полыхнувшей от взрыва бензобака машиной. Эмма Майер не могла надеть это роскошное вечернее платье, отправляясь на дачу. В этом уверена ее сестра Анна, потому и пришла к следователю Гарманову с просьбой разобраться в тайне гибели Эммы. Она уже похоронена, дело по этому несчастному случаю закрыто. Все же Гарманов наведывается на злополучную дачу. И находит там... труп Эммы. Или не Эммы? Кто же в земле? Возможно, расследование и не привело бы ни к чему, не окажись рядом молодой девушки Валентины с ее фантастической способностью, всего лишь надев чей-то наряд, перевоплощаться в хозяйку одежды, видеть и слышать то, что с ней происходит...

Анна Данилова

Комната смеха

Глава 1

Я пришла в себя в больнице. Открыла глаза и увидела тот самый воспетый во многих романах хрестоматийный белый больничный потолок, который одним своим видом навевает тоску и пробуждает мысли о смерти. Сказать, что у меня все болело, значило не сказать ничего. Потому что у меня раскалывалась голова, ломило все тело и саднило губы, которые я попыталась облизать своим шершавым и непослушным языком. Поскольку в обозримом мною пространстве я не находила ни одного человеческого лица, то мне не оставалось ничего другого, как произвести какой-нибудь звук, чтобы привлечь к себе внимание. И я исторгла из себя нечеловеческий сип, рычание, неопределенный гортанный звук, от которого у меня засаднило теперь уже в горле, а боль отдалась где-то в спине, словно мне прямо в позвоночник воткнули острую спицу. И почти тотчас же надо мной возникло круглое веснушчатое лицо, а палата словно бы наполнилась солнечным светом.

– Очнулась? Вот и хорошо. Привет! Меня зовут Таня. Я – медсестра, присматриваю за тобой. А тебя как зовут?

– Валентина, – прохрипела я.

– Вот и отлично: помнишь свое имя! А фамилию?

– Орлова.

– Все замечательно, Валентина Орлова. Как ты себя чувствуешь?

– Как мясо, провернутое в мясорубке, – сказала я чистую правду.

– Это ничего. Главное, что ты жива, – улыбнулась мне медсестра. – Ты что-нибудь помнишь?

Что я могла ей ответить? Я, как ни странно, многое помнила. Во-первых, свою квартиру на Сухаревке, запах свежей краски на лоджии, которую я выкрасила в активный зеленый цвет. Во-вторых, помнила, что вчера вечером в гастрономе я купила пакетик датского печенья и плитку шоколада, намереваясь провести вечер перед телевизором, смотря очередную серию своего любимого бразильского сериала. Все это, надо признаться, составляло мою интимную тайну, поскольку в том месте, где я работаю, считается дурным тоном смотреть подобную приторность. Мои коллеги по работе, как они уверяют, обращают свои

взоры к телевизору лишь для того, чтобы посмотреть и послушать последние новости; особенно их интересуют курс мировых валют и прочие финансово-экономические сводки. Многие дамы из нашей аналитическо-финансовой конторы сидят на диете и никогда не позволяют себе съесть прилюдно плитку шоколада. Это тоже считается у них дурным тоном. В обеденный перерыв они пробавляются яблоками и зеленым чаем, в то время как я тайно ото всех могу сжевать пачку печенья и угоститься конфетами. Не знаю, как кому, а мне это помогает жить и поддерживать хорошее настроение. И мне до лампочки все диеты, потому что я еще очень молода и мне рано истязать себя различными ограничениями – у меня фигура не хуже, чем у Мэрилин Монро. Я бы хотела рассказать обо всем этом славной девушке Тане, но не успела. Отворилась дверь, и в палату вошел высокий представительный мужчина во всем черном. Плотный ворот его водолазки упирался в тяжелый волевой подбородок. Черные с проседью волосы, голубые бесстрастные глаза, гладкая кожа, синие от чисто выбритой щетины щеки, крупный прямой нос идеальной формы и какие-то по-детски пухлые и нежные розовые губы – таким я впервые увидела перед собой следователя по особо важным делам Вадима Александровича Гарманова. Увидела и испугалась. Первое, что пришло мне в голову, после того как он представился, – я совершила что-то противоправное. Но что именно, я не помнила. Но ведь что-то же произошло со мной, раз меня почтил своим присутствием такой серьезный человек. Когда он присел напротив меня на стул и еще раз представился, ожидая, вероятно, что и я назову ему свое имя, глаза мои против моей воли наполнились слезами. Вероятно, это была реакция моего организма на что-то такое, что мой организм, пусть даже на физиологическом уровне, помнил, а я – нет.

– Валентина, – назвала я свое имя. – Валентина Орлова. – И только тогда вдруг почувствовала, что мне трудно говорить, потому что щеки мои стягивает тугий бинт, который обматывает всю голову, давит на виски. – Послушайте, а что это со мной?

Мне показалось довольно странным, что этот человек в черном возник передо мной именно в тот момент, когда я пришла в себя. Или это было простое совпадение, или же он находился здесь долго и ждал, когда же я очнусь.

– Я бы хотел спросить у вас, помните ли вы что-нибудь из того, что произошло с вами три дня тому назад.

– Три дня? Но почему?.. Подождите... мне надо подумать. Ну да, вспомнила. Был обычный день, такой же, как всегда. Вторник, пятое ноября. Холодный, промозглый день. Я сидела в своей конторе, работала на компьютере до самого вечера, потом пришла домой, поужинала и стала смотреть телевизор. Говорю же, обычный день... Потом была среда, четверг...

– Вы знаете, какое сегодня число?

– Догадываюсь: восьмое, пятница.

– Да нет, Валентина, сегодня понедельник, одиннадцатое. А в пятницу ночью милицейский патруль подобрал вас на улице Бахрушина едва живую, с множеством ушибов, ссадин, порезов и сотрясением головы. Кроме того, вы подверглись насилию... Теперь догадываетесь, почему я здесь?

Предпоследняя фраза жгла каленым железом. Мне было стыдно перед этим голубоглазым следователем за то, что меня, оказывается, кто-то изнасиловал. Скажу больше: у меня в тот момент было такое ощущение, словно речь идет не обо мне, а о какой-то другой девушке, которую изнасиловали и привезли в больницу и которую теперь допрашивал следователь Гарманов. Мне было стыдно за нее. Ведь это не меня насиловали, раз я ничего не помнила.

– А вы уверены? – Я попыталась улыбнуться и представила себе, как же отвратительно я, должно быть, выглядела с этой кривой улыбкой на фоне засохших тугих бинтов. – Вы уверены, что это было насилие?

Здесь подала голос сестра Таня:

– Мы вас подлечим, и у вас будут дети, так что в этом плане вам переживать нечего. Кроме того, мы приняли ряд профилактических мер, чтобы вы не забеременели и не подцепили венерическое заболевание. А все остальное – до свадьбы заживет.

Я тотчас представила себе фрагмент американского кино и финал: пышную свадьбу с невестой в белом платье, испорченном пятнами крови на подоле... Заживет. Я снова идиотски улыбнулась. Меня меньше всего сейчас интересовали мои будущие дети и возможные венерические заболевания. Я смотрела на сидящего напротив меня мужчину и сгорала от стыда. Мне даже показалось, что

мои бинты затлели и задымились от поднявшейся у меня температуры.

– Но я ничего не помню. Я совершенно ничего не помню. Меня никто не насиловал. Меня никто не резал. Никто не бил. Я после работы зашла в гастроном на Арбате, купила печенье и шоколад. Это все.

– Вас никто не подвозил?

– Нет, я села на троллейбус. Как обычно, – ко мне стала возвращаться моя прежняя уверенность и умение говорить быстро и по существу.

Я хотела крикнуть ему в лицо, что нельзя так обращаться с живыми людьми, лгать им в глаза и унижать их подобным образом... Но ведь я действительно лежала в больнице вся в бинтах и не могла пошевелиться от боли.

– Хорошо, пусть так. Значит, на меня напали. Это очевидно. Не могла же я сама так избить себя и тем более изнасиловать. Но вы представились следователем по особо важным делам... Я что, была так плоха? Я могла умереть? Ведь вы, насколько мне известно, должны заниматься лишь убийствами...

Я и сама не знала, что несла. Я злилась на то, что мне приходится разговаривать с этим мужчиной о таких унижительных для меня вещах, как изнасилование. Я ненавидела его уже за то, что он вообще занимался моим делом.

– Правильно. Собственно, я здесь именно из-за убийства.

Я похолодела. Неужели я кого-то пришила?

– Дело в том, что рядом с вами на тротуаре лежал труп еще одной девушки, приблизительно вашей ровесницы. Я принес фотографии...

Медсестра, которая присутствовала при нашем разговоре, заметно занервничала. Видимо, ее медицинские инструкции запрещали позволять посетителям вот так запросто травмировать пациентов страшными фотографиями трупов. Однако она почему-то промолчала, и мне кажется, что я тогда поняла почему: она просто не посмела вмешаться в разговор, поскольку находилась под сильным впечатлением, которое произвел на нее Гарманов как

мужчина. Честно говоря, это сбивало с толку и меня и мешало сосредоточиться на самом главном.

С фотографии на меня смотрела... Вернее, нет, не так. Она уже не смотрела. Глаза ее были закрыты. Я увидела Басю. Мою подружку Басю. Очаровательная разгильдяйка, хохотунья, бесшабашная и веселая Бася на сей раз крепко спала, не подозревая, что ее фотографируют. Понятное дело, она была мертва. Страшные кровоподтеки, засохшая кровь в ушных раковинах (следователь показал мне много разных снимков, где Бася была заснята в разных позах и ракурсах), разбитый затылок... Особенно тяжело было видеть ее раскинутые, как у тряпичной куклы, ноги, босые, нагие и тоже в кровоподтеках...

- Это Бася, - проговорила я с трудом, давясь слезами.

- Бася? Это уже кое-что. Дело в том, что при этой девушке мы не нашли документов.

- Да что вы пристали со своими документами! - внезапно взорвалась я. - Кто это ходит в родном городе с документами? Я тоже никогда не беру с собой паспорт. Зачем он мне? Все это глупости... И Бася никогда не брала с собой паспорта, даже когда ей надо было поменять валюту. Она прекрасно существовала и без него.

- Фамилия вашей подруги?

- Басова. Катя Басова.

- Так вот почему «Бася»?

- Да, мы все ее еще со школы звали Басей. - И тут я разревелась. Отчаянно, навзрыд, сотрясаясь всем телом. Я не могла понять, как же так: ее нет! Рано или поздно я выйду из больницы, вернусь в нормальную жизнь и непременно позвоню ей. И что же: она не возьмет трубку? В такое не верилось. От этого хотелось выть.

- Как вы с ней оказались на улице Бахрушина?

– Не знаю, не помню.

– А где она живет?

– В Армянском переулке. – Я назвала адрес.

– Далековато от Бахрушина. Может, вы собирались куда-то поехать, ведь рядом Павелецкий вокзал?

– Да никуда мы не собирались. – Я сделала знак сестре, чтобы она помогла мне высморкаться и привести в порядок успевшее опухнуть от слез лицо. – Я вообще не понимаю, как мы с ней оказались на этой улице. Как ее убили? Что с ней?

– Судя по характеру травм, ее, как и вас, сначала изнасиловали, а потом выбросили из окна второго этажа. Но перед этим вам наносились удары острым предметом по мягким тканям тела, предположительно, ножом. Вам повезло больше, и ни одна из ран не оказалась смертельной, в то время как у вашей подруги проникающее ранение в сердце...

– И вы знаете, из какого окна нас выбросили?

– Да, знаем, – удивил он меня. – Но там живет старушка-одуванчик, которой в момент убийства не было дома. У нее стопроцентное алиби – в половине восьмого она была на приеме у платного врача-гомеопата, который арендует кабинет в поликлинике и принимает с семи до десяти часов вечера.

– Да зачем ей алиби, – еще раз возмутилась я, – вы что же, думаете, что современные старушки способны на такое? Да Бася застрелилась бы, если бы узнала, что ее изнасиловала старушка-одуванчик, которая к тому же и с легкостью выкинула ее из окна. Другое дело, может, у нее есть внук или сын?

– Проверяли. Никого нет. Совершенно одинокая старушка. Однако следов взлома тоже не обнаружено. Либо преступник или преступники открыли дверь своим ключом, либо старушка забыла запереть дверь. Хотя она клянется, что запирала. Посмотрите теперь вот на эту фотографию...

На этот раз это был снимок пожилой женщины. Сухое вытянутое лицо в обрамлении голубоватых, в цвет глаз, кудряшек. Старушка явно не тянула на сексуального маньяка.

– Я ее не знаю и никогда прежде не видела, – сказала я, опередив вопрос следователя. – И на улице Бахрушина нам делать было нечего. Разве что сходить в Театральный музей. Но это не самое веселое времяпрепровождение для девушек. Я на самом деле не знаю, что с нами случилось и как мы там оказались. Но Басю убили... За что? Вы себе представить не можете, до чего это был добрый и отзывчивый человек. Бася...

И тут я почувствовала навалившуюся на меня дурноту. В голове моей зашумело, и я ощутила, как проваливаюсь куда-то вниз, лечу и даже слышу свист ветра в ушах. Из этого мерзкого состояния меня вывел голос медсестры, которая громко назвала меня по имени. Когда я снова открыла глаза, следователь уже складывал фотографии в папку. Озабоченный, он, вероятно, и не заметил, что я чуть не отдала богу душу. И даже суэта вокруг меня, затеянная медсестрой Таней (она пододвинула ко мне капельницу и всунула иглу в прозрачную трубку, подсоединенную к моей вене), казалось, не произвела на него никакого впечатления.

– Вы, менты, всегда такие черствые, когда речь идет о смерти не близких вам людей?

Гарманов резко повернулся, и взгляды наши встретились. Конечно, он был не человек, а мент. Простейшее существо – инфузория-туфелька, – каждый день сталкивающееся со смертью. И какое ему было дело до моей подружки Баси, тело которой теперь валялось где-то в морге неопознанное, неприглядное, неживое... Он же не видел, какой она была при жизни. Живой, очень энергичной, умеющей так грациозно двигаться и танцевать, что мужчины, глядя на нее, сворачивали себе шеи, а женщины сходили с ума от зависти. Когда она надевала мини и шла в ветреный день по улице, от ее ножек невозможно было отвести взгляда. Это было само совершенство, сама женственность, сама стройность, сама сексуальность. Бася...

– Валентина, я понимаю ваши чувства. И вы напрасно думаете, что меня не волнует смерть вашей подруги. Но вы поймите и другое: я должен найти того, кто сделал с ней это. И если я буду рыдать вместе с вами, то кто же будет работать? В нашем деле важен холодный рассудок и ясная голова. Не скрою, я с

нетерпением ждал, когда же вы придете в себя и начнете давать свидетельские показания. Но теперь, когда я вижу, что вы ничего не помните, что фактически три дня стерты из вашей памяти, что я могу сделать, чтобы вычислить убийцу? Эксперты взяли отпечатки пальцев с оконных рам в той самой квартире, где орудовал убийца и насильник, собрали кровь с пола... Словом, работа ведется, но без вашей помощи мне будет трудно найти убийцу вашей подруги.

– У Баси мать и брат. Им надо сообщить. А еще у меня к вам просьба: отвезите меня, пожалуйста, к ним. И мы все вместе поедem в морг. Я должна быть вместе с ними. А вы, – обратилась я к сестре, – снимите с меня эти бинты. Они давят мне на голову, мне тяжело говорить, дышать, жить. Да и вообще, больничные стены убивают меня, лишают последних сил. Я хочу домой. Я устала. А когда что-нибудь вспомню, то обязательно позвоню и все расскажу. Ведь я в первую голову заинтересована в том, чтобы этих мерзавцев нашли.

– Так их было двое? – оживился Гарманов.

– Я сказала так не потому, что знаю наверняка, сколько их было, а исходя из логики вещей: если бы этот подонок был один, мы бы с Баськой с ним справились. Вот и все. И не надо меня поддавливать. Мне нечего от вас скрывать. Я не лгунья.

Я не надеялась, что меня выпустят из больницы или избавят от тесных бинтов. Но, с другой стороны, я не могла не проститься с Басей, не могла не поддержать ее мать и брата в такую тяжелую минуту. Кроме того, я знала, что нужна Гарманову и вряд ли он захочет портить со мной отношения, не добившись от меня ни одного свидетельского показания. Поэтому я совсем не удивилась, когда услышала:

– Таня, снимите с нее бинты, раз она просит. Дайте ей теплый халат и отпустите ее под мою ответственность. Обещаю, что буду беречь ее как зеницу ока. Она хочет попроситься с подругой, – добавил он, желая растрогать и без того мягкую и податливую как воск медсестру.

Но бинты снять не удалось – они, казалось, намертво присохли к голове, к пропитанным кровью волосам. К тому же стоило мне подняться и сесть на кровати, как я почувствовала боли в области поясницы и неприятное саднящее ощущение в локтях. Оказалось, кожа там содрана до кости. Видимо, я с кем-то

боролась и опиралась на локти... К тому же создавалось впечатление, будто меня избивали и удары наносились в самые болезненные для женщины места: в пах, в грудь, в солнечное сплетение. Словом, очень скоро я начала воспринимать бинты как свое спасение. Мне уже не хотелось обнажаться перед следователем, демонстрируя стриженую голову или большие гематомы на теле. Вся в бинтах и повязках, закутанная в теплый больничный халат и с непонятным платком на голове, я выползла из палаты, опираясь на руку Вадима Александровича, и поплелась к выходу. У меня было такое чувство, будто я сюда уже не вернусь. И, как оказалось, я была права.

Глава 2

Вадим Гарманов был талантливым следователем и очень любил свою работу. Вероятно, по этой причине его семейная жизнь дала крен, и не прошло и двух лет после свадьбы, как его жена заявила ему о своем желании расторгнуть брак. Простому смертному сложно объяснить, в чем заключается внешняя жизнь следователя прокуратуры. Но если описать ее кратко, то это, в первую очередь, постоянное отсутствие мужа дома. Он вроде бы и есть, постоянно звонит откуда-то, дает о себе знать, но, с другой стороны, его нет. Уходит рано утром и возвращается за полночь. Его нельзя обнять, накормить, поговорить с ним по душам, поделиться своими проблемами, потому что все они на фоне того серьезного дела, каким занимается следователь, кажутся слишком легковесными, не стоящими внимания. Редкие жены терпят такую жизнь. Большинство, оценив ситуацию, разводятся. Некоторые ведут параллельную жизнь. Так случилось с Лилей Гармановой, женой Вадима. Параллельный мужчина, параллельная любовь, параллельный секс, параллельный обман. Вадим пришел домой внезапно в три часа дня и застал свою жену в спальне с любовником. Развернувшись, он вышел из квартиры, громко хлопнув дверью, и уже больше туда не вернулся. Лиля ему не звонила из страха перед тяжелым разговором. Сам же он не пытался ничего выяснять, поскольку и так все было ясно. И вот уже целую неделю он жил на работе. Умывался в прокуратуре, завтракал скудно в прокуратуре, обедал в кафе напротив прокуратуры куриной лапшой и котлетами, ужинал бутербродами и спал в кабинете на сдвинутых стульях. Мысли о жене гнал прочь и о будущем не задумывался. Теперь уже стопроцентно его жизнь была завязана на службе. И только здесь он мог хотя бы что-то изменить к лучшему: поймать убийцу, обезвредить преступника. Другими словами, внести хотя бы какой-то порядок в окружавшую его жизнь и

человеческие отношения. Конечно, по сравнению с теми преступлениями, с какими он каждый день сталкивался, измена его жены, если посмотреть на это со стороны, абстрагируясь, казалась ему только подлостью, помноженной на слабость. Не больше. В то время как настоящие преступники, серийные убийцы или опасные, потерявшие человеческий облик некрофилы-психопаты вызывали в нем отвращение, Лиля казалась ему лишь жертвой собственных заблуждений, этакой мечтающей о любви и поклонении женщиной. И это было нормально. Многие женщины поступают так. Кому понравится разогревать по двадцать раз ужин в ожидании мужа, который тебе не принадлежит. Мужа, который всегда занят. Мужа, который все равно никогда не сможет дать тебе то, о чем ты мечтаешь? Ни денег, ни положения в обществе, ни любви, ни полноценного, каждодневного секса. Но раз все так понятно, то почему же ему было так больно, когда он увидел свою Лилю, нежную и воздушную Лилю, в объятиях крупного волосатого мужчины? И это просто чудо, что он не убил любовника. Удивительно. Кажется, его звали Гамлетом. Армянин. Скорее всего, армянин.

...Оказывается, он задремал. В дверь стучали. Робко, неуверенно. Почти сутки прошли с тех пор, как он помог Валентине Орловой уговорить главврача отпустить ее домой. Сначала они поехали к родным погибшей Баси, затем все вместе, как и просила Валентина, в морг... Тяжелый день, трудные разговоры, утомительная беседа с врачом, который не хотел отпускать все еще находящуюся в шоковом состоянии Валентину домой, и наконец этот вопль о помощи. Уже в ее квартире на Сухаревке, куда он привез бесчувственную Орлову, она вдруг бросилась к нему на шею и стала умолять его пожить у нее. Страх и отчаяние читались на ее лице... Как же ей действительно было страшно оставаться одной теперь, когда она начала понимать, что же с ней произошло на самом деле. Ее мать вышла замуж второй раз и жила в Новосибирске. А больше у нее, кроме Баси, никого и не было. Он ушел, но обещал подумать. Ведь он понимал, что ее просьба пожить в ее квартире – поступок импульсивный, что вряд ли, когда она умоляла его об этом, задумывалась о том, женат он или нет и есть ли у него такая возможность вообще. Ей было страшно, и перед внутренним взором Вадима до сих пор стояло это испуганное существо, замотанное в бинты, закутанное в серый больничный халат и с шерстяным полосатым коконом на голове. Тяжелое зрелище. Бедную девочку изнасиловали, избили и выбросили из окна обычной девятиэтажки. Что изнасиловали, это понятно. Отморозков – полная Москва. Но зачем было избивать и выбрасывать из окна? И каким образом может быть связана с этим двойным преступлением хозяйка квартиры? Может, она сдавала кому-то комнату и теперь молчит? Но тогда почему же в квартире нет ни одной посторонней вещи, которая могла бы принадлежать мужчине-

жильцу? Ни одной!

Он снова задремал. В дверь между тем постучали еще раз.

– Войдите!

На пороге появилась невысокая хрупкая молодая женщина в черном пальто. Его привела в чувство ее яркая, броская красота.

– Мне нужен Вадим Александрович Гарманов, – сказала она тихим и очень приятным голосом. Так говорят, тщательно проговаривая каждое слово, цельные и собранные натуры, аккуратистки и очень вежливые и воспитанные женщины. И хотя Вадим еще не знал, по какому поводу она пришла, но почему-то почувствовал к ней безоговорочную симпатию. Чтобы проверить себя, он предположил, что она пришла по рекомендации какой-нибудь своей знакомой, которой в свое время помог Вадим, чтобы разыскать, к примеру, исчезнувшего мужа. Или же она в чем-то подозревает соседей...

– Моя фамилия Майер.

И он сразу же все понял. Майер – эту девичью фамилию сохранила в замужестве Эмилия Майер, молодая женщина, несколько дней тому трагически погибшая в автомобильной катастрофе на трассе недалеко от Москвы. Автомобиль, в котором она ехала на свою дачу, слетел с дороги, скатился в низину и, врезавшись в деревья, взорвался. Труп Эмилии, почти сгоревший, опознавал убитый горем муж, некий Алексей Владимирович Тарасов...

– Да, проходите, пожалуйста. Садитесь. Вы – Майер...

– Меня зовут Анной. Моя сестра трагически погибла, разбилась на машине.

– Я в курсе. Примите мои соболезнования.

– Вадим Александрович, я пришла сделать заявление.

– Слушаю. – Он поймал себя на том, что уже заведомо несерьезно относится к этому визиту. Однако ему было приятно видеть перед собой красивую женщину.

– Хорошо, сначала я скажу все устно, а потом напишу. Дело в том, что это очень важно...

Она как-то странно улыбнулась и откинулась на спинку стула. Полы пальто разъехались, и Вадим увидел красивые колени, обтянутые прозрачными дымчатыми чулками. Он мысленно коснулся коленей своими руками, но внезапно тень покойной Эмилии Майер возникла между ними, и он, к своему удивлению, снова понял, что едва не задремал. Он устал. Смертельно устал.

– Я слушаю вас.

– Мою сестру нашли в машине мертвой. Тело ее обгорело. Сгорело и платье, темно-синее, очень красивое платье, которое было на ней в день смерти. Сохранилась пряжка от пояса, пуговицы... По ним я и узнала это платье. Так вот. Я пришла заявить вам, что моя сестра Эмилия не могла надеть это платье.

– То есть? – не понял Вадим и закурил. – Почему она не могла надеть это платье?

– Боюсь, если я вам стану объяснять, то вы меня все равно не поймете.

– Попробуйте.

– Хорошо. Начну с того, что у моей сестры была своя портниха, Лиза Гусарова. Казалось бы, ну что в этом особенного, да? – Она чуть ли не виновато улыбнулась. – Но вы не торопитесь делать выводы. Ведь портниха в жизни женщины играет подчас очень важную роль. К примеру, моей сестре надо было сшить новое платье к какому-то важному событию в ее жизни. Так вот, если портниха испортит ткань или не уложится в срок, то этого события может вообще не произойти. Вам, мужчинам, этого не понять, но это чистая правда.

– Вы хотите сказать, что это платье ваша сестра заказала к какому-то важному событию в ее жизни?

– Я вам этого не говорила, – почему-то испуганно сказала Майер. – Вы меня не дослушали. Значит, так. Все портнихи – разные. Как и все люди. Но есть у них одна общая черта, которая моей сестре казалась просто отвратительной. Дело в том, что, обшивая своих клиенток, некоторые портнихи любят первыми поносить

новые, сшитые ими вещи. Ведь и у портнихи тоже могут быть свидания, важные встречи, события... Вот сшила, к примеру, она платье и отправилась в нем в ресторан или в гости. Казалось бы, невелика беда. Но моя сестра считала иначе. В тот день, когда она принесла это синее платье от Лизы, я была у нее в гостях. Алексей, ее муж, вернулся с охоты, Эммочка приготовила диких уток, накрыла на стол и после ужина решила продемонстрировать мне свое новое платье. Я знала, что оно сшито из очень дорогой ткани и что фасон она придумала сама. Понимаете, платье было так скроено, что оно выгодно подчеркивало грудь Эммочки, ее тонкую талию. Ведь она была очень красивой женщиной. Так вот. Она надела его и вышла ко мне. Все это происходило в спальне, где, кроме нас двоих, никого не было. Она, повторюсь, надела его и вдруг, потянув носом, поморщилась и подошла совсем близко к зеркалу. «Послушай, Аня, мне кажется, что оно пахнет луком и сигаретами... Или вообще... мужчиной... Смотри, а вот и пятно, небольшое, но жирное... Какая гадость... Она, Лизка, надевала его, как пить дать. Вот свинья!» И Эммочка тотчас стянула это платье через голову и бросила на диван. В глазах ее стояли слезы.

– Какая чувствительная, однако, ваша сестра, – сказал Гарманов первое, что пришло ему в голову. В рассказе Майер он пока еще не уловил ничего, что могло бы заинтересовать его. Более того, он не понял, зачем она вообще пришла и рассказала эту дурацкую историю про портниху.

– Я предупреждала вас, что вы можете не понять. И мне очень жаль, что вы так плохо знаете женщин. Поймите, Эммочка ждала это платье, думаю, у нее были какие-то планы относительно него...

– Ну, какие еще планы у нее могли быть связаны с этим платьем? – не выдержал Вадим и резкими движениями загасил окурок в большой хрустальной пепельнице.

– Я не знаю... – В ее глазах появился холодный блеск. – Понятия не имею. Но она, отшвырнув от себя платье, надулась и некоторое время тихо плакала от досады. Мысль о том, что в ее новом платье другая женщина провела время и даже имела наглость заляпать его жиром, убивала ее. И она прямо при мне бросилась к телефону и позвонила Лизе. Она сразу, без предисловий обвинила портниху в том, что та носила ее платье, и сказала, что вернет его на следующий же день, и чтобы Лиза приготовила две тысячи рублей за ткань. Еще она сказала, что больше никогда не станет у нее шить и сделает так, чтобы от нее отказались все ее подруги и знакомые. Она была вне себя от ярости. Вероятно, Лиза

попыталась оправдаться, но Эмма даже слушать ничего не стала, бросила трубку. Затем повесила платье в шкаф и сказала, что все люди подлые и мошенники. И только Алексей смог успокоить ее. Он налил ей вина, поцеловал, вот, собственно, и все...

- Это все, да? - покачал головой Вадим. - Может, я и не разбираюсь в женщинах, но все же... Зачем вы пришли, Анна?

Посетительница состроила такую гримасу, к которой больше всего подошла бы фраза: «А теперь объясняю для особо бестолковых», - и проговорила чуть ли не по слогам, медленно и с большим чувством:

- Она не могла надеть это платье ни при каких обстоятельствах.

- Это почему же?

- Говорю же, не могла! У нее полон шкаф других платьев. И я уверена, что, даже если бы у нее, кроме этого платья, вообще ничего не оказалось дома, она бы все равно не надела его. Скорее всего, обошлась бы джинсами и свитером мужа. Вот и все, что я, собственно, хотела сказать.

- Другими словами, вашу сестру кто-то заставил надеть это платье?

- Этого я не знаю. Но ее нашли именно в этом платье, понимаете? К тому же никто почему-то не обратил внимания на то, что Эммочка ехала на дачу, а платье на ней было чуть ли не вечернее. Что ей было делать за городом в вечернем платье? А туфли? Вы видели ее туфли? Думаю, что нет. На высоком каблуке. Я понимаю, она могла бы скинуть их и давить на педаль босой ногой. Но ведь не июль месяц, согласитесь.

- Но это ведь ваша сестра! Хотя бы в этом вы уверены?

- Да, конечно. Но я не понимаю, почему на ней было это платье. Просто я подумала, что, возможно, в ее жизни произошло что-то, что вывело ее из равновесия, и что она, собираясь на дачу, была так чем-то увлечена или расстроена, что и не заметила, как надела это несчастное платье... - Анна Майер поднесла к носу платочек и высморкалась. - Может, она ехала вовсе и не на

дачу... И еще. Я осмотрела все ее вещи в шкафу. Поверьте мне, там было что надеть на дачу. И брюки, и свитер... Она не могла и не должна была надевать это платье. Тем более что именно в день своей смерти она должна была вернуть его Лизе.

– Хорошо, я подумаю над вашими словами, – пообещал ей Вадим, в душе надеясь, что этот ее визит будет первым и последним. – Спасибо, что пришли.

Анна, пожав плечами, как-то нехорошо усмехнулась, словно понимая всю бесполезность своих усилий, направленных на то, чтобы внушить ему какую-то очень важную мысль относительно смерти своей сестры, и, тяжело вздохнув, вежливо попрощалась, после чего вышла из кабинета.

Странный визит, странный и совершенно на первый взгляд бесполезный. Ну и что особенного в том, что портниха надела сшитое ею платье своей заказчицы? Ну, бес попутал. Ну, захотелось и ей блеснуть в красивом платье. Все живые люди. А она тоже женщина. Подумаешь, надела платье... Хотя надо бы проверить эту портниху. Но, с другой стороны, зачем? Больше делать нечего?

Он достал блокнот и позвонил Валентине. Вот уж кто действительно сейчас требовал его внимания, так это она. Это она сейчас ничего не помнит из того, что с ней произошло, а что, если вспомнит? Может повредиться рассудком.

– Привет, это Гарманов. Ты как, в порядке? – И услышал в ответ надрывное хлюпанье и мычанье. – Все, еду, не реви. Хочешь, по дороге торт куплю?

Глава 3

Я не верила своим ушам. Гарманов едет ко мне. В такое было трудно поверить. Но он ехал, и от этой мысли меня бросало в жар, в приятный жар. Мне было тогда все равно, где он будет спать, важно, чтобы он просто находился в квартире. Даже спящий, даже занятой и не обращающий на меня никакого внимания. Такого страха перед тишиной квартиры я не испытывала еще ни разу. Эта тишина давила на уши вместе с бинтами, и порой мне казалось, что я схожу с ума.

Первое, что я сделала после того, как Гарманов привез меня домой из морга, где я увидела свою дорогую Басю, это рассмотрела свое тело. Вадим уехал, а я заперлась в ванной, разделась и предстала перед зеркалом голая, но вся в каких-то пластырях, повязках и с забинтованной головой. Надо сказать, увидев себя, такую вот разукрашенную, я поняла, что внешне мало чем отличаюсь от мертвой Баси. Я смотрела на свое отражение, но моя память рисовала мне в зеркале ее тихое, серое лицо с заострившимся носом, запавшими глазами и посиневшими губами. И мое сердце – да простят мне этот горький штамп! – разрывалось на части от боли при мысли, что я никогда не увижу ее живую, красивую, веселую, смеющуюся. Я любила Басю, мне всегда было с ней легко и хорошо. И то истерзанное тело, которое нам показали в морге, не имело с ней ничего общего...

Ее мать потеряла сознание, а брат глухо зарыдал, когда увидел ее на цинковом столе...

Мне кое-как удалось все же с помощью теплой воды отлепить от головы бинты. Как я и предполагала, ощупывая еще в больнице голову, волосы мне остригли. Вероятно, для того, чтобы было проще обрабатывать небольшие раны и шишки. В некоторых местах кожа была содрана, и оттуда сочилась кровь. Приняв душ и осторожно вымыв голову, я обработала раны водкой, некоторые ссадины прижгла йодом, но полностью избавилась от повязок, пластырей и бинтов. И, надо сказать, после этой болезненной и утомительной процедуры мне стало легче. Я надела халат и села на диван перед телевизором. Мне нужно было отдышаться, подумать о том, что со мной произошло и как мне теперь жить дальше. И вот тут-то судьба и сыграла со мной злую шутку. Вернее, даже не шутку, а целый спектакль, срежиссированный самим дьяволом. Ведь именно он, черт, дернул меня взять сумочку и подкрасить губы. Конечно, меня можно упрекнуть в некоторой легкомысленности, ведь красить губы в такой момент, когда надо бы думать о жизни и смерти, о вечном, наконец, разве не кощунственно? Но мною двигало не желание понравиться следователю Гарманову, которого я слезно просила навестить меня, нет. Просто я была тогда так ужасна, бледна и некрасива со своей почти лысой головой и сиреневыми кругами под глазами, что боялась самой себя. Вот я и решила слегка мазнуть красной помадой по губам, чтобы придать живого цвета своему – похожему на мертвое – лицу. Сначала я спросила себя: «Валя, а где твоя сумочка?» И поняла, что маленькая замшевая сумочка, с которой я ходила в последнее время, исчезла. Возможно, ее взял тот, кто убил Басю. Но у меня же не одна сумка.

Тогда я достала свою красную сумочку, которую брала с собой последний раз, когда мы с Баськой ходили на мюзикл. У меня в каждой сумке обязательно есть помада. А как же иначе? Вот и на этот раз там оказалась помада. Да только не моя, а Баськина. И я вспомнила, что мы с ней поменялись тогда же, в театре, в туалете. Странное чувство испытала я, держа в руках ее помаду. Баськи нет, а ее помада у меня. Это хорошая помада, дорогая, алая, блестящая. С этой помадой на губах Баська была похожа на кинозвезду. И она знала это, но все равно легко рассталась с ней, чтобы подарить ее мне. Мы только вслух назвали это обменом, а на самом деле Баська просто знала, что мне ужасно нравится ее помада, и сама нарочно предложила ее поменять на мою, обычную, бежевую.

Я достала зеркальце и мазнула помадой по губам. И тотчас увидела Баську... В огромном зеркале туалета театра. Я смотрела в зеркало и красила губы, но отражение показывало мне Баську, красящую губы. Это был как раз тот момент, за минуту до злополучного обмена. Я Баськиным голосом вдруг сказала, обращаясь к кому-то, кто стоял позади меня и кого я по непонятным мне причинам не могла видеть:

– Слушай, мать, давай махнемся. Я тебе свою помаду, а ты мне – свою... Вечно намалююсь, как кукла, ярко, броско. Мне бы что поспокойнее... бежевого цвета...

И тут знакомый до одури голос, мой голос, ответил ей:

– Ты что, того? У тебя же помада – блеск!

– Вот и забирай...

...Все прекратилось. По моему лицу катился пот. Меня всю трясло. Сумасшествие было налицо. Грудь судорожно двигалась, словно кто-то очень нервный и обиженный бился и рыдал под ребрами... Но ведь я же только что была в театре и разговаривала голосом Баськи. И слышала свой голос. Что это?..

Я встала и медленно, на дрожащих ногах, двинулась к ванной, где была сложена пахнущая лекарствами и хлоркой больничная одежда: короткая и безобразная хлопковая рубашка, тяжелый, похожий на одеяло, теплый халат, отвратительный капюшон... Я искала свое белье, но его не было. Звонить в больницу и спрашивать, в каком виде меня привезли туда после всего, что со мной произошло, я не посмела. Меня могли бы не так понять. Но мне хотелось

кое-что проверить... Ладно. Тогда я накинула на себя больничный халат, и в нос мне ударил мерзкий запах. В точности такой чуть не лишил меня сил в морге. Я уверенным шагом шла по гулкому больничному коридору, затем свернула направо и толкнула впереди себя обшарпанную желтую дверь. И тут же оказалась в небольшом, тускло освещенном зале. Подошла к столу, на котором лежал обнаженный синий мужчина с отрезанными гениталиями, и вместо того, чтобы закричать, почему-то сказала низким, грудным голосом:

– Бомж. Каждый день привозят таких вот... А потом оказывается, что они все сплошь порядочные люди. Жалко таких. Смотри, какой у него лоб. Как у профессора... Петровна, пойдём кашку поедим...

Ко мне подошла женщина, высокая, огромная, в длинном, до пят, клеенчатом фартуке, забрызганном кровью:

– А какая сегодня каша: рисовая или пшенная?

– Рисовая. Говорят, на молоке.

...Я сбросила с себя халат. Мне казалось, что в ванной комнате до сих пор пахнет мертвечиной. Да что же это такое?

Когда зазвонил телефон, я чуть не упала – настолько нервы мои были на пределе. Подбежала, схватила трубку и, услышав голос Гарманова, предательски зашлась в плаче. Не могла остановиться...

– Все, еду, не реви. Хочешь, по дороге торт куплю?

Совершенно чужой мне человек одним телефонным звонком вернул меня к жизни.

Я вернулась в комнату, спрятала Баськину помаду в сумочку и легла на диван, вытянувшись в струнку и закрыв глаза, пытаюсь сосредоточиться. Конечно, я думала о той пятнице, 8 ноября, когда какие-то мерзавцы заманили нас с Баськой в квартиру на улице Бахрушина, изнасиловали, поиздевались над нами и вышвырнули из окна прямо на тротуар. Как ненужных и надоевших кукол с выбитыми глазами и вырванными волосами. Мне подумалось, что, слушая

Гарманова, я даже не удосужилась спросить, в чем были мы, Баська и я, когда нас соскребали с асфальта. Неужто мы были голыми? Вспоминая фотографии мертвой Баськи, я почему-то видела перед собой лишь ее залитое кровью ухо, разбитое лицо и неестественно вывернутые ноги, тоже в кровоподтеках. Что же с нами произошло? С чего все началось и когда? Кто первый позвонил или пришел? Куда пригласил? Что предложил? Где мы с ней встретились? Куда пошли? Кого встретили? Что нам могли сказать такого, чтобы мы поверили и согласились пойти на квартиру к совершенно чужому человеку? Сколько их было?.. Как и с чего все началось? Были ли эти отморозки пьяными или обколотыми? И верит ли сам Гарманов в то, что хозяйка квартиры, из которой нас выбросили, ни при чем? А что, если она все знает и покрывает своего внука или племянника? Может, ей угрожают?

Я подумала о том, что если бы не мое нездоровье, то сама бы непременно разыскала эту квартиру, эту бабку и душу бы из нее вытрясла, чтобы только узнать, кого она покрывает. Знаю я этих старух. Вечно прикидываются несчастными, одинокими, нищими, а сами покупают стерлядь на рынке и копят деньги на стеклопакеты.

И вдруг снова эта дурнота. Этот страх, который накрывает с головой. На макушке такое ощущение, словно ее поливают сверху тонкой стружкой ледяной воды, – это нервное. Говорят же: волосы на голове шевелятся. И я не могу сказать, что этот страх конкретный. Я же не знаю своих мучителей и насильников в лицо, я не знаю, кого конкретно бояться, я боюсь вообще. Страшно боюсь. До головокружения, до обморока, до смерти. А еще много мыслей о кладбище, о земле, начинающей промерзать холодными ноябрьскими ночами, той самой кладбищенской земле, в которую буквально через пару дней закопают мою лучшую подругу, мою Баську.

Пришел Гарманов. Как осветил меня изнутри. Дурнота закончилась. Увидев его на пороге, я испытала невероятное облегчение. Совершенно незнакомый мне, чужой человек стоял передо мной с коробочкой торта в руках и смотрел на меня усталым взглядом.

– Привет, заяц, – сказал он, протягивая мне торт.

– А почему заяц? – покраснела я по еще не известной мне пока причине. Стушевалась просто.

– А потому что трусишка зайка серенький.

– А... Понятно. Проходите. Если бы вы не пришли, не знаю, что со мной было бы. Мне нехорошо... И перед вами неудобно... Может, вас дома кто ждет, а вы... тут... Неприятности будут? Или вы на пару минут?

– Вообще-то, я хотел попроситься к тебе на ночлег. Я и зубную щетку взял. Можно?

В груди у меня стало горячо, и дыхание перехватило. Я не верила своим ушам.

– Вадим...

– Можно без отчества.

– Вадим, я ужасно рада, что вы пришли. Я постараюсь, чтобы вам было здесь хорошо. Вы же понимаете, что меня надо охранять... Я же живой свидетель. Мои мучители не знают, что я ничего не помню, а потому могут желать моей смерти. То есть наверняка захотят избавиться от меня. Ведь так? Ведь мне есть чего бояться?

– Да успокойся ты. Я же здесь. Ставь чай, будем торт есть...

Он снял пальто, разулся, прошел в комнату, сел в кресло и тут же уставился на экран телевизора, где шли новости. Я пошла на кухню, поставила чайник, засыпала заварку, порезала на куски торт. Села за стол, положила руки на столешницу и увидела, что они дрожат. Сильно дрожат. Затем вышла из кухни, заглянула в комнату – Гарманов, оставаясь все в той же позе в кресле, делал вид, что смотрит телевизор, хотя на самом деле глаза его были плотно закрыты, да и похрапывал он слегка. Смешно. Сон застал его врасплох. И разбуди я его сейчас, он не сразу поймет, наверное, где находится и с кем.

Я на цыпочках подошла к вешалке и потрогала его пальто. Затем, рискуя всем на свете, осторожно сняла его с вешалки и накинула себе на плечи. И сразу же

мне стало холодно. Я поняла, что стою на обочине дороги. Идет холодный дождь. Вокруг стоят милицейские машины, белый фургон «Скорой». Слева от меня, в овраге, поросшем деревьями с уже облетевшей листвой, лежит искореженная, обгоревшая машина. В воздухе пахнет гарью. В моей голове ни одной мысли о том, что я вижу. Внутренним зрением я обращен к женщине, обнаженной женщине, крепко спящей на незнакомой мне кровати. И я знаю ее и не знаю. К тому же я испытываю к ней очень сложное чувство: я люблю ее, я хочу ее, но одновременно я знаю, что никогда не увижу ее, я не хочу ее видеть, не могу... Более реально: мой взгляд скользит вниз, прямо у моих ног, на покрытой грязью обочине трассы, явно загородной трассы, лежит уже другая женщина. Точнее, то, что от нее осталось. Обгоревшая субстанция, едва прикрытая желтой клеенкой. Откуда-то взявшийся тусклый луч солнца высветил оригинальную пряжку на поясе ее одежды. Непонятно, пальто это или платье. Рядом с обгоревшим трупом – туфли. Закопченные, ставшие похожими на замшевые, с острым каблуком. Вероятно, ее туфли. Кто-то говорит: «Как она могла вести машину на таких каблуках?» Еще один голос: «Мужу еще не сообщили?»

...Я, потрясенная, сбросила с себя пальто моего гостя и спасителя и повесила его на место. Сходить с ума было приятно.

Глава 4

Алексей Владимирович Тарасов пил коньяк у себя на кухне. Даже похоронив жену, он продолжал все еще воспринимать мир таким, каким он был до ее смерти. Он пил коньяк, но думал, что дома он не один, что Эмма рядом, где-то очень близко. Или стирает что-то в ванной, или гладит в комнате перед включенным телевизором, или просто читает в спальне, зажав в кулачке жареные семечки. Эмилией ее редко кто звал. Все звали ее Эммочкой, для Алексея она была Эммой. Она была необыкновенной женщиной. Красивой, умной, в меру ироничной и очень непритязательной. Работала в каком-то институте, который занимался неизвестно чем. Жена много раз объясняла Алексею, чем именно, но он так и не понял. Что-то связанное с биологией, химией или биохимией. Таких странных институтов в Москве – сотни, если не тысячи. Большое серое здание, куда вход только по пропускам. В здании есть все: и своя столовая, и свой санаторий-профилакторий, и маленький комбинат бытовых услуг, и даже бассейн... Микромир, в котором восемь часов в сутки

проводила Эмма. Утром вставала, приводила себя в порядок, завтракала и бежала, чтобы успеть на служебный автобус. Вечером прибегала, готовила ужин, прибирала в доме и ложилась отдыхать. Они прожили вместе восемь лет. Алексею было сорок два года, Эмме – тридцать четыре. Детей не было. Что-то не получалось. Разговаривали мало – стали понимать друг друга без слов. Жизнь была налаженной, упорядоченной, простой, удобной. Гостей принимали редко – Алексей ревновал жену ко всем мужчинам, которые появлялись в их доме. И хотя она никогда не давала повода для ревности, Алексею достаточно было поймать взгляд мужчины, обращенный к Эмме, чтобы испытать неприятное до тошноты чувство кажущейся заброшенности и приближающегося одиночества. Воображение его тотчас рисовало жену в объятиях этого мужчины. Он был уверен, что то чувство восхищения, какое не проходило у него по отношению к жене вот уже восемь лет, свойственно и другим мужчинам, находящимся рядом с Эммой, будь то на работе или в иной обстановке. И он ревновал Эмму, получается, к целому институту, к тому микромиру, вход в который для него, Алексея, был закрыт. Нет, он мог бы, конечно, выписать пропуск и пройти туда, встретиться с женой и поговорить с ней на лестнице. Но и это была бы мука. Увидев в каждом проходящем мужчине своего потенциального соперника, он испытывал бы снова и снова саднящее чувство собственника, который рискует в любой момент потерять принадлежащую ему дорогую вещь. При такой болезненной ревности семейная жизнь могла бы превратиться для обоих в ад, если бы не выдержка, благодаря которой Алексей старался лишней раз не устраивать жене сцен. Он просто молча переживал, ревнуя ее ко всем подряд, но в душе радуясь, что мужем такой красивой женщины все же является он, а не кто-то другой. И что только ему позволено видеть ее во всех домашних положениях, в неприбранном и неодетом виде, купающуюся в ванне, укладывающую свои красивые каштановые волосы перед зеркалом или мирно спящую на супружеском ложе.

Теперь, когда ее не было, он никак не мог приспособиться к новой для себя роли вдовца. Он не знал, как живут вдовцы, чем живут, в чем находят утешение. Впереди он видел лишь тупик, очень напоминавший стоявшую в углу подъезда крышку гроба. Того самого гроба, в котором хоронили Эмму.

У него не было знакомых вдовцов, с которыми можно было бы поговорить по душам, а потому сама жизнь подсказала ему способ, как не сойти с ума от боли и одиночества: он стал играть сам с собой в игры. Разные игры. Но все они были связаны с присутствием Эммы. То он пытался поговорить с ней, лежа в постели. То пил с ней чай или коньяк на кухне и вел себя так, словно она и на самом деле была жива. А один раз он даже потанцевал с женой, кружась с ней по комнате и

придерживая ее за талию. И ему, как ни странно, становилось легче. Что омрачало его жизнь, так это походы на кладбище и визиты сестры Эммы, Анны Майер. Он всегда недолюбливал Анну, считая, что та постоянно настраивает Эмму против него. У него не было никаких доказательств, просто он интуитивно чувствовал это. Он чувствовал, что Анна презирает его за слабых характерность, за то, что он, по ее мнению, не достоин Эммы, за то, что не в состоянии содержать жену и она вынуждена работать. Алексей действительно не много зарабатывал, хотя и считался директором небольшого мебельного магазина. Но директор – не хозяин. У него был стабильный, но небольшой заработок, которого едва хватало на еду. Что же касается остального, то на это зарабатывала Эмма: одежда, квартирные счета, книги, телефон... Он не мог позволить себе купить жене хорошую шубу, дорогие духи. Но она как-то сама умудрялась подрабатывать и содержать себя достойно. И даже ее искусственная норковая шуба выглядела совсем как натуральная. Так же богато смотрелись и ее фальшивые бриллианты. Быть может, это происходило от того, что на женщине с такой породистой, неординарной внешностью все должно было смотреться дорого.

У Эммы были большие карие глаза с тяжелыми веками, аккуратный маленький нос, слегка припухлые, словно от поцелуев тысяч мужчин, розовые губы. Она была миниатюрна, стройна. Ее кожа, бледная и тонкая, казалась прозрачной, как у младенца. Грудь ее отличалась от груди остальных женщин, которых видел Алексей. Она была не округла, а представляла собой небольшие, налитые соком конусы с размытыми розовыми же сосками. А ее стройные ноги... Он готов был целовать каждый ее пальчик...

В передней раздался звонок. Алексей вздрогнул. Кто бы это мог быть? Ну, конечно, Анна! Вечно приходит, травит душу своими разговорами, задает дурацкие вопросы.

– Привет. – Она вошла, погладила по-матерински нежно щеку Алексея. – Пьешь?

– Вот, немного коньяку...

– И мне налей. Я принесла еды, перекуси, а то и сам скоро протянешь ноги...

Сначала он думал, что она влюблена в него и ходит к нему, чтобы постепенно обосноваться в его жизни и занять место умершей сестры. Но потом, когда он, напившись, несколько раз попытался довольно-таки грубо завалить ее в постель, а она отвесила ему оплеух, понял, что ошибался. Видимо, и она играла сама с собой в подобные его играм свои игры, связанные с иллюзией того, что Эмма жива. Ей, видимо, как и ему, становилось легче, когда она переступала порог их квартиры, где еще витал дух Эммы. Ведь на вешалке все еще висели ее куртки и плащи, в ванной – купальный халат, в спальне на комодке стояли ее духи и шкатулка с драгоценностями.

– Послушай, Аня, ты бы забрала ее побрякушки. Что проку от них теперь, когда ее нет? А так поносишь, да и память останется...

– Ничего мне не надо. Пусть все лежит на месте. Может, пройдет время, и я смогу проще отнестись к тому, что ты сказал, но только не теперь... Ну что, пойдём поужинаем? Да, чуть не забыла, в вашем почтовом ящике – он вечно распахнут и набит всяким мусором, черт бы побрал этих малолетних бандитов! – нашла вот это. – И она протянула ему извещение на ценную посылку.

Алексей покрутил его в руках и, пожав плечами, сунул в карман.

– Понятия не имею, что бы это значило. Ценная посылка, настолько ценная, что ее оценили в десять рублей. Должно быть, какие-то книги или рекламные дела, – сказал он первое, что пришло в голову.

– При чем на твое имя, – заметила Анна уже в кухне, доставая из сумки принесенные ею баночки с салатами, промасленный пакет с курицей гриль. – Хлеб-то в этом доме найдется?

– Найдется... Слушай, а который сейчас час? Как ты думаешь, почта еще открыта?

– Что, любопытство одолело? Открыта, открыта. Беги за посылкой, а я пока чай заварю, все подогрею...

Он ушел и вернулся буквально через четверть часа. В руках его был довольно большой ящик из фанеры, запечатанный по всем почтовым правилам – с бечевками, похожими на растопленный шоколад печатями из сургуча...

– Такая большая и стоит всего десять рублей? – усмехнулась Анна, доставая ножницы и протягивая Алексею.

– Думаю, что кто-то просто решил сэкономить и оценил посылку по минимуму, чтобы не платить лишнее. Хотя ящик удивительно легкий, как пушинка...

Он разрезал бечевку, принес из кладовой инструменты и вскрыл ящик.

– Какая-то солома... – Он порылся в ней и извлек что-то зеленое, какую-то ткань.

Они оба замерли. И Анна, и Алексей.

– Нет... – прошептала Анна и закрыла ладонью рот. – Этого не может быть.

Бледный как мел Алексей достал из ящика женское платье из зеленой шерстяной материи джерси.

– Это ее платье, Алексей... Я бы узнала его из миллиона платьев. И эти серебряные пуговицы... Что все это значит? Кто мог прислать тебе это платье?

Она пришла в себя первая и, схватив ящик, принялась осматривать его в поисках обратного адреса. В это время Алексей нашел в кармане платья Эммы записку, написанную печатными буквами: «Алексей, привет! Буду через полчаса, пожалуйста, разогрей курицу и сделай салат. Майонез в ведерке в холодильнике под окном. Целую, Эмма».

Глава 5

Ночь прошла спокойно, и я, как ни странно, крепко спала. Меня не мучили кошмары, я не кричала во сне и не просилась, как маленькая, под одеяло к взрослому дяде-следователю. Конечно, этому спокойствию я была обязана Гарманову. Скромный и неразговорчивый, он сразу же после чая направился в ванную, признался, что уже почти неделю живет, как бомж, в своей прокуратуре, что дома у него неприятности и все в таком духе. И я, честно

говоря, обрадовалась такому повороту дела. Стыдно сказать, но его неприятности обернулись для меня покоем. Я сказала ему, что буду только рада, если он поживет у меня какое-то время, и даже отдала ему запасной комплект ключей. Он, в свою очередь, утром оставил мне деньги на продукты и сказал, что будет счастлив, если я приготовлю ему что-нибудь домашнее. Вот это уже был удар ниже пояса. Готовить я не умела. Но просьба Вадима была воспринята мною как приказ. Благо книги по кулинарии имелись. Я быстро отыскала рецепт борща и сразу же обнаружила, что в доме нет практически ни одного компонента, кроме воды. Пришлось тащиться в ближайший гастроном и покупать необходимое: грудинку, овощи, зелень.

Был рабочий день, но идти на работу я не собиралась. Поэтому, вернувшись с продуктами, я вызвала врача на дом и решила честно взять больничный лист. В сущности, оснований для больничного у меня было больше чем достаточно. Еще я знала, что в случае, если участковый врач мне не поверит, что со мной приключилась такая петрушка, Вадим возьмет для меня выписку из больницы, куда меня привезли сразу после того, как нашли на улице Бахрушина... С другой стороны, мне не очень-то хотелось распространяться о том, что со мной случилось. К тому же я и сама-то толком ничего не знала.

Варить борщ оказалось делом хлопотным и неблагодарным. Все, особенно грудинка, варилось медленно и требовало невероятных усилий. Тело мое еще продолжало болеть. Я не хотела думать о том, что произошло с нами на улице Бахрушина, но мысли все равно возвращались к театральному музею, который находился на этой улице, к примитивному кукольному театрику дореволюционных времен с дерзким Петрушкой, всему тому, что ассоциировалось у меня с этой улицей. Ни испитых физиономий насильников, ни хриплых голосов злодеев, ни острой боли от ножевых ран – ничего такого моя память не выдавала. Видимо, таким образом – стерев из памяти определенный фрагмент моей жизни – мой организм защищался.

Когда я положила в густой и наваристый борщ заправку из овощей с томатом и он окрасился в красивый свекольный свет, в дверь позвонили. То, что это не Гарманов, я знала наверняка: перед уходом он сказал, что будет предупреждать меня о своем приходе, чтобы я лишней раз не дергалась, услышав звонок в передней. Баська теперь никогда не позвонит в мою дверь. Тогда кто же это? Один из насильников, который, зная о том, что я осталась жива, пришел, чтобы добить меня?

Я, едва дыша, подошла к двери и заглянула в «глазок». И сразу же поняла, что я действительно повредилась рассудком: это же была участковая врачиха, которую я недавно вызвала! Надо же так перетрусить, даже забыть о том, что было всего лишь пару часов назад!

– Что случилось, Валечка? Подцепила вирус? – спросила она меня по-свойски, поскольку давно знала меня и лечила в свое время от простуд да ангин. И тут я вспомнила, что, вызывая врача по телефону, я сказала тетке из регистратуры, принимавшей у меня вызов, что у меня температура, кашель, насморк. Словом, выдала ей все как обычно, по инерции.

– Надежда Андреевна, меня изнасиловали, – призналась я и, услышав свой голос, озвучивший то, что со мной произошло, заревела. Не произнеси я этого страшного слова, может, и сдержалась бы. Но тут еще Надежда Андреевна назвала меня так нежно, Валечкой. Моя мама далеко, кому поплакаться? Не Гарманову же! Как же мне сейчас не хватало Баськи!

– Изнасиловали? – повторила врач и покачала головой. – Ты обращалась в милицию?

– Нет, – соврала я. – Зачем? Как-нибудь переживу, залижу раны и буду жить дальше. Травиться, вскрывать себе вены и вешаться не собираюсь, обещаю.

– Ты хорошо держишься, – вздохнув, ответила Надежда Андреевна. – Хотя бы в этом плане я спокойна. Но если вы, девчонки, не будете обращаться в милицию после того, как вас изнасиловали, то насильника так и не поймут... – Она сделала небольшую паузу, словно собираясь с мыслями, а потом произнесла чуть слышно: – У моей хорошей знакомой вон дочку тоже изнасиловали и выбросили, как ненужную вещь, прямо из окна квартиры на асфальт... Она разбилась. Насмерть.

Я сразу же подумала, естественно, что речь идет о моей Баське. Наверное, предположила я, Надежда Андреевна знакома с тетей Зоей Басовой.

И тут вдруг услышала:

– Скоро сорок дней будет. А какая девочка была!.. – По щеке ее скатилась слеза. – А теперь вот ты. Что случилось? Кто этот подонок? Ты его хотя бы знаешь?

– Нет. И меня тоже выбросили из окна. И подружку мою, Баську. И она тоже умерла... Это было всего несколько дней назад, а если точнее, то восьмого ноября, в пятницу. А я вот жива, ударилась, конечно, тоже. Сотрясение и все такое, но вообще-то я как-то удачно упала, если можно так сказать...

– Тебе больничный лист нужен, да и в больницу лечь необходимо...

– Я уже лежала. Только вчера вышла. Но не выписалась, а просто ушла, один хороший знакомый уговорил врачей отпустить меня домой. Мне профилактику сделали...

Надежда Андреевна осмотрела меня, назначила курс лечения и сказала, что сама пришлет ко мне свою знакомую медсестру, которая будет мне по утрам делать уколы. «Она недорого берет и умеет держать язык за зубами». Я поблагодарила докторшу, проводила ее и вернулась на кухню, где у меня доваривался борщ. Оставалось только бросить зелень...

Гарманов не звонил. Тишина в комнате давила на уши. Я не знала, чем себя занять. Не было ничего такого, что могло бы мне в тот момент поднять настроение. Даже если бы мне сообщили, что убийцы Баськи найдены и посажены в тюрьму, пусть даже и расстреляны, мне бы не стало от этого легче. Я знала, что теперь моя жизнь будет отмеряться по принципу: до Бахрушина и после. «До» – была безоблачная комфортная жизнь с приличным окладом, тихой и несложной работой, встречами с Баськой и походами на дискотеки и в кафешки. А вот «после» представлялось мне теперь черной полосой, которой не видно конца. И без Баськи.

Я взяла лист бумаги и, написав Вадиму записку: «Борщ на плите, я скоро вернусь», – вышла из квартиры. Мой путь лежал на улицу Бахрушина. Теперь уже она не представлялась мне такой заманчиво-театральной и тихой, какой я знала ее до того, как меня подобрали там вместе с останками моей любимой подружки. Я на метро доехала до «Павелецкой», вышла напротив вокзала и, свернув за угол, двинулась навстречу неизвестности. Проходя мимо жилых

домов, я спрашивала себя, где именно нас обнаружили, возле какого дома. И только пройдя метров триста после поворота, я вдруг остановилась как вкопанная и поняла, что нашла то самое место, которое искала: небольшая площадка перед кирпичной девятиэтажкой отличалась от остальных характерным признаком происшедшего здесь несчастья. Это был грубый и нелепый рисунок, силуэт, как я поняла, моей покойной подруги, начерченный жирным белым мелом на залитом – уже успевшей засохнуть и потемнеть – кровью асфальте. И еще – бесчисленное количество затоптанных окурков под ногами. Видимо, много людей сбежалось посмотреть на двух избитых, окровавленных и изнасилованных девушек, одна из которых к тому же еще была мертвой. В основном эти окурки принадлежали тем, кто по долгу службы приехал сюда, чтобы провести на месте преступления определенную работу, но были, конечно, и толпы зевак, это как водится. Вадим Гарманов тоже курит, значит, среди окурков есть и его...

Я поймала себя на том, что думаю о чепухе и что мои мысли об окурках не что иное, как неосознанное желание не думать о главном: о нас с Баськой.

Однако я подняла голову и посмотрела на ряд окон на втором этаже дома, чтобы попытаться определить, из какого именно окна нас выбросили, словно мешки с картофелем. Судя по тому, где, на каком уровне по отношению к окнам располагался белый меловой рисунок, интересующее меня окно должно было находиться напротив. Я сделала несколько шагов поближе к стене дома, как вдруг заметила еще одно темное пятно на асфальте. Должно быть, это было то самое место, где нашли меня, а пятно не что иное, как моя кровь. Я же ударилась головой, к тому же на моем теле были порезы...

Быстро обойдя дом, я приблизилась к скамейке возле того подъезда, где, по моим расчетам, должна была находиться квартира, в которой и произошло, по сути, убийство Баськи. На скамейке сидела пожилая женщина и вязала крючком.

– Здравствуйте, – поздоровалась я. – Вы извините меня, пожалуйста, но я – подруга девушки, которую убили здесь несколько дней назад...

Женщина тотчас отложила вязание и посмотрела на меня с неподдельным любопытством. Видимо, она вышла из дома, чтобы не только подышать свежим воздухом, но и набраться впечатлений. И тут такой визит... Конечно, она теперь просто обязана рассмотреть меня с головы до ног, чтобы вечером рассказать о моем приходе своим соседкам-подружкам. «Представляете, сижу себе на

скамейке, вяжу, и вдруг подходит девица, такая из себя, и говорит...»

- Ужасная история, - вдруг вполне искренне посетовала женщина и покачала головой. - И непонятная. У нас такой тихий дом, такой тихий подъезд, да и хозяйка квартиры, Людмила Борисовна, тихая интеллигентная женщина. Вы бы видели ее, когда все это случилось... Она вернулась из поликлиники, а в ее квартире полно милиционеров, каких-то посторонних людей с фотоаппаратами, экспертов, я думаю... Я не видела ее с тех самых пор и, хотя мы с ней в приятельских отношениях, не могу набраться смелости прийти к ней, расспросить обо всем. Хотя, конечно, все это любопытно и совсем уж, повторюсь, непонятно. Женщина она одинокая, у нее никого нет. Соседи говорят, что в тот день и криков-то никто никаких не слышал, девочки не кричали... Может, обкуренные были или пьяные до бесчувствия, не знаю. Но откуда эти парни взялись?

- Парни? - Меня бросило в пот. - Вы видели их?

- Да нет, их вроде бы никто не видел. Но говорят, что мужчин должно было быть двое, а иначе как? Вроде бы наследили они в квартире, отпечатки башмаков на полу оставили, бутылку водки или шампанского, два стакана... Я только не могу понять, как они могли к Людмиле зайти и зачем им вообще понадобилось вламываться в чужую квартиру. Она же пенсионерка, почти все время дома сидит. Разве что выследили, что она в определенные дни по вечерам ходит к врачу в поликлинику? Дверь, говорят, не взламывали, а открыли чуть ли не родным ключом. Откуда, спрашивается, у них ключ?

Соседка оказалась разговорчивой, и я слушала, боясь перебить ее неосторожным вопросом. После того как женщина поделилась своими первыми впечатлениями о случившемся, она поинтересовалась, что известно мне об этом событии. Я сказала, что ничего не знаю, кроме того, что мою подругу убили и выбросили из окна.

- Молоденькая, говорят, совсем, хорошенькая...

- Да, она была молодая и красивая, - проговорила я не своим голосом, с трудом сдерживая слезы. - В какой квартире живет ваша Людмила Борисовна?

– А на что тебе? Хочешь подняться к ней? Не стоит. Она и так с сердцем слегла. Зачем ей лишний раз волноваться?

Но я не послушала ее и все равно вошла в подъезд. Номер квартиры было вычислить нетрудно. Я поднялась на второй этаж и застыла перед табличкой с цифрой «42». Мне показалось, что эту табличку я уже видела. И я ее действительно видела, как же иначе?! Но какие силы заставили меня прийти сюда с Баськой? Чем нас сюда заманили? Мы никогда бы не пошли с чужими мужчинами в незнакомую квартиру. Значит, мы – я или Баська – были знакомы с ними.

Я позвонила. Мне долго не открывали. Когда же за дверь послышались шаги, я вся напряглась и поняла, что не готова к разговору с незнакомой мне женщиной, пусть даже и косвенно связанной со смертью Баськи.

– Кто там?

– Откройте, пожалуйста. Мне надо с вами поговорить.

– Я спрашиваю: кто там? – повторил тихий старческий голос, и за дверью шумно вздохнули. – Ну что еще там?..

– Людмила Борисовна, если вы не откроете мне, я все равно останусь ждать под дверь... Откройте, это очень важно.

Я хотела ее увидеть. А вдруг я узнаю ее? Может, по фотографии, которую мне показывал Гарманов, я не узнала, а живую – узнаю? Или отреагирую на ее голос? Может, это какая-нибудь старинная приятельница моей мамы, к примеру? Или наша бывшая сотрудница, вахтерша, предположим?

И она открыла. Почувствовала, наверное, в моем голосе упрямство и поняла, что я так просто не оставлю ее в покое. К тому же если она ни при чем, то что ей стоит ответить мне на довольно простые вопросы?

– Вы кто? – услышала я усталый голос.

На пороге стояла высокая худая старуха, очень бледная, с голубыми кудряшками на голове и в голубом халате. Губы ее были плотно сжаты. Она смотрела на меня страдальческим взглядом человека, которому пришлось много пережить.

– Я – одна из тех девушек... – сказала я и почувствовала вдруг, как меняется взгляд старухи. От нее пошло какое-то тепло. Дверь распахнулась, Людмила Борисовна взяла меня за руку и втянула за собой в квартиру:

– Проходи... Ты как же дошла? Мне сказали, что ты вся изранена.

– Понимаете, я ничего не помню, – всхлипнула я. – Ничего. И я подумала, что, может, если окажусь у вас, в вашей квартире, то вспомню лица этих гадов...

– Заходи, милая, заходи. Извини, что не впускала. Я сама места себе не нахожу... На старости лет такой ужас пережить. Представляешь, прихожу, а в доме – чужие люди... Под окном – девушки лежат... в крови... Никогда не забуду.

Конечно, она была здесь ни при чем. Это было понятно сразу. Открытое чистое лицо с ясным взглядом голубых глаз. Вокруг вообще было много голубого: занавески на окнах, покрывало на кровати.

– Вы не можете мне рассказать, что увидели тут, когда вернулись из поликлиники? Где была кровь? Следы? Водка? – Я решила воспользоваться той информацией, которую мне предоставила словоохотливая соседка.

– Ты сядь сначала, успокойся. Хочешь чаю?

Я молча кивнула головой. Меня всю колотило. Я смотрела по сторонам, но ничего не узнавала. Кроме того, в голову мою снова полезли мысли о тех странных приступах-наваждениях, которые появились у меня после перенесенного мною стресса. Ведь это были не обрывки сна, а что-то другое, непонятное, страшноватое, но очень похожее на правду. Фрагменты сцен из чужих жизней. Я, прикоснувшись к чужим вещам или надев их, на какие-то мгновения становилась тем человеком, кому они принадлежали, и испытывала те чувства, что и они, видела и слышала то же, что и они. Понятное дело, рассказывать об этом я никому не собиралась, но кто бы знал, как же мне хотелось снова и снова проверять мои предположения... А что, если в моей голове после падения

повредился или сместился в сторону какой-то участок головного мозга, и теперь я мыслю несколько иначе, чем другие? Я изменилась. Я чувствовала это. И разве сам тот факт, что я спустя несколько дней после того, как меня изнасиловали и избили, спокойно перемещалась в пространстве вместо того, чтобы лежать в больничной палате, не говорил о том, что мой организм неведомым мне образом защищает меня и не дает уйти в себя, уйти в болезнь и тоску по Баське? Да, я много плакала, слезы так и текли из моих глаз, но я прекрасно отдавала себе отчет в том, что жизнь моя из-за этой трагедии не закончится. Что для начала мне важно будет найти убийцу Баськи, а уж потом жизнь сама подскажет, как мне жить дальше. Была, правда, и еще одна странность, которую я раньше за собой не замечала: мои страхи. С одной стороны, то, что произошло со мной, я воспринимала как здоровый человек, который надеется, что время залечит как физические, так и душевные раны. Но, с другой стороны, время от времени на меня напоззали, как кладбищенские черви, страхи перед смертью. И мне было трудно себе представить, что было бы со мной, если бы Гарманов, удивительно понятливый и добрый человек, не согласился провести хотя бы мою первую ночь после больницы рядом.

...Людмила Борисовна принесла чай, варенье, пирожки.

– Диван был разложен, – сказала она, стараясь не смотреть мне в лицо. – На нем – кровь... Много крови. Диван я попросила вынести из квартиры, поближе к мусорным бакам. На столе была бутылка с остатками шампанского и два бокала. Это мои бокалы... – Она задумалась, не понимая, видно, зачем говорит мне о таких деталях. – Окно было распахнуто, на подоконнике размазана кровь...

– А вещи? Наши вещи?

– Нет. Ничего не было. Может, к тому времени, как я вернулась, что-то успели уложить в пакеты, они же все укладывали: окурки, бокалы с отпечатками пальцев...

– На нас не было одежды?

– Нет. Хотя... Не могу сказать точно. Кажется, на твоей подружке что-то было...

– В котором часу нас нашли? Вечером?

– Часов в восемь, в половине девятого. И ты ничего не помнишь? Совсем?

– Ничего. Абсолютно. В памяти осталось только, как я вышла с работы, зашла в гастроном, купила шоколад, печенье...

– Подожди, печенье? Какое?

– Датское. В красивом таком пакете...

– Видела я этот пакет. И плитку «Российского» шоколада видела. Все правильно. Только все это непечатое. Люди из милиции все забрали, в пакеты сложили, я еще подумала, что для экспертизы, и забрали. Думаю, тоже из-за отпечатков.

Мне стало легче. Значит, что-то все-таки в моей памяти осталось. Это обнадеживало.

– А что еще помните?

– На мыле в ванной комнате тоже следы крови, такие розовые... Должно быть, эти изверги руки мыли.

Я вдруг подумала о том, что и у Людмилы Борисовны с психикой все в порядке, раз она вполне адекватно реагирует на мои вопросы и так обстоятельно все рассказывает. Ведь, в сущности, не она же виновата, что кто-то пробрался в ее квартиру и воспользовался ею для таких вот низменных целей...

– На соседней улице, на Татарской, месяца полтора назад тоже девушку изнасиловали, порезали и выбросили из окна. А хозяйка квартиры ни сном ни духом, как говорится, ничего не ведала. Она вообще в тот день к своей сестре ездила в Одинцово... Это мне соседи рассказали. Может, поэтому мне чуть полегче стало. Я подумала, что, раз так, уж меня-то не будут подозревать в пособничестве бандитам... Не только у меня такая история произошла. Но квартиру эту я решила продать. У меня уже и покупатели есть. Надо только найти что-нибудь подходящее в этом же районе...

Мы посмотрели друг на друга и почему-то отвернулись. Непроизвольно. Словно нам обоим стало стыдно перед теми, кого уже не было в живых, за то, что мы

посмели думать о своем будущем.

– Может, это хорошо, что ты ничего не помнишь? – сказала мне на прощание Людмила Борисовна, проникшись ко мне и разделяя мои чувства. – А?

– Посмотрим... – ответила я неопределенно, думая о том, что через пару дней мне придется идти на похороны Баськи. Меня так и подмывало, оказавшись в прихожей Людмилы Борисовны, зацепить какую-нибудь ее вещь, чтобы проверить на ней свои «видения». Но удачного момента я так и не выбрала, а потому ушла несолоно хлебавши. Да и что я могла увидеть или прочувствовать, накинув на плечи старушечий плащ или косынку? Перенестись на несколько минут в какой-нибудь парк, где собираются такие вот божьи одуванчики, чтобы станцевать с каким-нибудь подвыпившим старичком «ламбаду» или «летку-енку»? Или пройти по магазину в поисках приличных сосисок или обезжиренного молока? Вот если бы в квартире каким-то чудом задержалась вещица Баськи или моя...

Я только в этот момент вспомнила, что вместе с сумочкой у меня пропал мой мобильник.

Глава 6

«Алексей, привет! Буду через полчаса, пожалуйста, разогрей курицу и сделай салат. Майонез в ведерке в холодильнике под окном. Целую, Эмма». Эта записка, вложенная в карман платья Эммы, не шла из головы. Анна давно вернулась домой, приняла душ и легла в постель, но сна не было. Кто же посмел сыграть с несчастным вдовцом такую злую шутку? Хотя главная шутка была впереди. Ведь пока Анна с Алексеем пребывали в шоке от полученной посылки, полчаса, объявленные в записке, пронеслись, как одна минута. И поэтому, когда в передней раздался звонок, они оба подскочили как ужаленные и бросились врассыпную. Анна пришла в себя в ванной. Алексей забился в кладовку. Они вели себя как идиоты. Первой взяла себя в руки Анна. Приблизившись к двери, она взглянула в «глазок» и, увидев незнакомую женщину, открыла дверь.

– Какого черта? – спросила она, с трудом подавляя в себе внутреннюю дрожь. У нее даже скулы свело от нервного перенапряжения. – Что вам надо?

– За уборку подъезда собираю... С вас десять рублей, – сказала анемичного вида растрепанная женщина в болоньевой куртке и синих трикотажных брюках, как-то странно разглядывая Анну. – Вернее, всего пять. Хозяйка-то померла, значит, только с мужа, Алексея, пять рублей.

Анна в сердцах швырнула ей деньги и захлопнула дверь.

– Нашла время приходить... Алексей, выходи... Ей-богу, ведем себя как дети. Чего испугались? Кто-то нарочно все это подстроил с посылкой, запиской... Посмотри, буквы печатные. Это специально, чтобы невозможно было определить почерк. У тебя есть враги?

Алексей, рухнув на стул, плеснул себе еще коньяку и выпил залпом. Закусил лимоном, и лицо его при этом скривилось.

– Враги? Кто? Кому я особенно нужен? Чертовщина какая-то... Только психически больной человек мог бы придумать такое... Надо же додуматься: послать посылку с платьем Эммы.

– Надо бы в милицию сообщить. Все это очень опасно...

– Почему опасно?

– А если бы у тебя было слабое сердце? Ты подумал об этом? Да от такой посылки не то что сердце откажет, крыша съедет! Поэтому я и спрашиваю: у тебя есть враги?

– Говорю же, нет.

– Подожди. А как же платье? В том, что это ее платье, я несколько не сомневаюсь. Она же шила его у Лизки Гусаровой, оно единственное в своем роде. К тому же... – Анна взяла платье – осторожно, словно это была змея, – и поднесла к носу. – Оно пахнет Эммой, ее духами. Ее кожей. Я знаю этот сладковатый запах, молочный, немного ванильный... Кто был вхож в вашу квартиру и мог взять это платье? Может, Эмма сама давала кому-нибудь его поносить?

– Эмма? Не знаю... Вообще-то, это на нее не похоже...

– Алексей, ты, главное, успокойся, возьми себя в руки. Давай думать, что посылку прислал действительно какой-то сумасшедший. Тогда будет легче и тебе, и мне. Значит, она не могла никому дать свое платье... Правильно. Будь оно старое или испорченное, можно было бы предположить, что она могла отдать его бедным. Каким-нибудь соседкам, знакомым на работе. Но платье почти новое, дорогое... Как оно могло оказаться у чужого человека? Как?

Вопрос был риторическим, ответа на него пока что не существовало.

– Ты сейчас ложись спать. Платье мы положим обратно в ящик, вот так, и задвинем под стол. Забудь пока обо всем этом кошмаре. Пойдем, я уложу тебя в постель... – Она подхватила совершенно безвольного Алексея под мышки и помогла ему добраться до спальни. – Ну что это ты совсем раскис... Нельзя же так! Держался-держался, и на тебе!

Уложив его одетого на кровать и прикрыв пледом, Анна вернулась в кухню, перемыла посуду и сварила себе кофе. Сидя возле окна с чашкой кофе и сигаретой, она пыталась понять, какие же истинные чувства она испытывает к своему зятю. То, что она его откровенно презирала и испытывала к нему чувство жалости, это было понятно и привычно с самого начала их знакомства. Она никогда не могла понять, что ее сестра, такая яркая и незаурядная женщина, могла найти в этом ничего собой не представляющем мужчине. Возможно, надежность и домовитость, чего так не хватает в современных мужчинах. Хотя Эмма с самого начала их брака с Алексеем говорила сестре, что любит своего мужа и вполне счастлива с ним. Возможно, это был самообман, но Эмма всегда отличалась скрытностью, а потому истинных ее чувств к мужу так никто и никогда не узнал. Никто ничего не знал о том, чем именно занималась Эмма у себя на работе, за что ей платили, судя по всему, неплохие деньги. Эмма могла позволить себе дорогие вещи, украшения, настоящую цену которых от мужа тщательно скрывала. Она не могла солгать Анне, своей сестре, но от мужа правду скрывала, лгала во благо, тем самым, видимо, не желая травмировать его мужское самолюбие – ведь ясно было, что она зарабатывает на порядок выше его. Внешне семейная жизнь Эммы выглядела вполне благополучной и спокойной. Но все же чувствовалась в отношениях между мужем и женой какая-то фальшь... Быть может, Эмма с трудом скрывала растущее раздражение к опостылевшему мужу, или же Алексей тщательно маскировал свою развившуюся чрезмерно ревность к жене. Про ревность Эмма сама рассказывала Анне.

Говорила об этом вскользь, пожимая плечами: мол, причин нет, а он ревнует. Что касается ее – предположительно – неприязненного отношения к Алексею, так это было лишь догадкой Анны, которая, основываясь на собственном чисто субъективном мнении, не хотела видеть в Алексее мужчину. Не нравился он ей до отвращения. Хотя внешне он мало чем отличался от остальных, ничем не примечательных мужчин: среднего роста, нормального сложения, даже обаятельный. Видимо, ее чувство строилось лишь на голой интуиции.

Теперь же, когда Эммы не стало, в ее смерти она винила Алексея. Почему именно Эмма села за руль машины и одна поехала на дачу? Неужели Алексей сам не мог выкроить время для того, чтобы поехать туда и укрыть розы, перекрыть краны или слить остатки воды из емкости... В сущности, это чисто мужская работа. И вот для того, чтобы заниматься этим, Эмма надела почему-то свое новое вечернее платье, да к тому же еще именно то, которое из принципа не надела бы и под дулом пистолета... Так почему, почему она надела это платье? Этот вопрос мучил Анну больше всего. Чтобы нарочно превратить его в дачную рабочую одежду и тем самым подчеркнуть свое отношение к Лизке Гусаровой? Но это же абсурд!

Ночь после смерти сестры Анна провела без сна. Перед глазами стояла Эмма, живая, улыбающаяся, и протягивала к ней руки. Она словно звала ее за собой куда-то... Потом сознание затуманивалось мрачными картинами из морга: останки Эммы, какие-то черные, закопченные фрагменты ее тела... Какая чудовищная, нелепая смерть...

Анна уже на следующий день приехала в прокуратуру, чтобы выяснить, при каких обстоятельствах погибла сестра. И узнала, что машина, в которой Эмма ехала на дачу, слетела с трассы и, несколько раз перевернувшись на склоне, врезалась в росшие внизу деревья и взорвалась. Произошло это поздним вечером, и свидетелей аварии пока не найдено. Точное время аварии определить трудно, поскольку машина горела довольно долго, прежде чем ее заметили и сообщили в органы. Конечно, Эмма была плохим водителем, это факт. Она панически боялась скорости и вела машину очень осторожно и аккуратно, стараясь как можно реже идти на обгон. И если до того трагического случая она и ездила одна на машине на дачу, то делала это лишь по крайней необходимости. К примеру, ей надо было перевезти туда какие-то вещи, а у Алексея внезапно появлялись срочные дела, и он не мог поехать сам. Или же надо было ехать на дачу собирать клубнику, а Алексей в то время находился в командировке. Но ехать на дачу холодным ноябрьским вечером, да еще и одетой

как для светского раута, в тоненьком вечернем платье и туфлях на шпильках? Как же это было не похоже на рассудительную и весьма практичную и трезвую Эмму. Может, она ехала вовсе и не на дачу? Но сам Алексей подтвердил, что она позвонила ему в тот самый день, когда все это и случилось, и сказала, что собирается сама лично, не откладывая до заморозков, поехать на дачу и укрыть растения. Добавила, правда, что по пути заедет в какой-то магазин за глиняными горшками, чтобы некоторые растения («Кажется, герань...» – твердил, как сомнамбула, Алексей) из грунта пересадить в горшки и перевезти домой. Но в машине никаких горшков не оказалось. Значит, в магазин она не заехала. Или забыла, или не успела, или просто передумала.

– А ты где был вечером? Почему сам не мог отвезти ее на дачу? – все-таки не выдержала и спросила его Анна по дороге из морга домой. – Какие у тебя-то были важные дела?

– Мы принимали товар, – ответил он осипшим от волнения голосом. – Мы целую неделю ждали эту фуру, и я должен был присутствовать при разгрузке. В прошлый раз напутали с документами, а я ответственное лицо...

Но она не собиралась добивать его. Ему и так хватило с лихвой. Он и сам тем утром напоминал труп...

«Алексей, привет! Буду через полчаса, пожалуйста, разогрей курицу и сделай салат. Майонез в ведерке в холодильнике под окном. Целую, Эмма». Записка с того света. Кому могло понадобиться написать ее? Какой в этом смысл? То, что автор этого послания испытывает к Алексею определенные отрицательные чувства, понятно. Но кто и за что?

Глава 7

Я вернулась домой затемно. Еще подходя к дому, посмотрела в окна – свет не горел, это означало, что квартира пуста и Гарманов еще не пришел. Странное дело, но я почему-то чувствовала вину за свое долгое отсутствие, а потому, едва оказавшись дома, первым делом порвала записку про борщ, оставленную на тот случай, если бы Вадим пришел раньше меня, и постаралась принять совершенно домашний вид, чтобы ему и в голову не пришло, что я долго отсутствовала. Быть

может, это чувство было вызвано тем, что своим визитом на квартиру, где произошло убийство Баси, я нарушила определенный ход вещей или помешала ходу следствия. А что, если, удовлетворяя свое любопытство, я спугнула убийцу?

Рассуждая подобным образом, я надела свободный свитер, широкие брюки, повязала фартук и от нечего делать приготовила салат. Затем заварила чай, после чего, услышав звонок в передней, как блудливая жена, только что вернувшаяся со свидания с любовником, как ни в чем не бывало с выражением крайней озабоченности и нежности на лице пошла открывать.

- Привет. - Вадим протянул мне тяжелый пакет. - А вот и я. Можно?

Не знаю почему, но я страшно разволновалась и даже, как мне кажется, покраснела. Мне было ужасно приятно, что и этот вечер я проведу не одна и что на свободном диване будет спать настоящий мужчина, следовательно и вообще очень серьезный и надежный человек. Еще я подумала в ту минуту, когда увидела его на пороге своей квартиры, что была бы счастлива иметь такого брата. Почему брата, а не любовника? С братом проще, спокойнее...

- Вадим, я приготовила борщ, - выпалила я прямо с порога, принимая из его рук пакет и чувствуя, что мне не так-то просто смотреть ему в глаза. - Готовила по книге, потому что не очень-то разбираюсь в стряпне. Но мне кажется, что он вполне съедобен.

- Борщ? Вот это да! А как настроение? Самочувствие?

Мне показалось, что и мой гость чувствовал себя не совсем уверенно в моем присутствии. И тоже не смотрел мне в глаза. Видимо, нам обоим требовалось некоторое время, чтобы привыкнуть друг к другу и не смущаться по пустякам.

- Настроение? Вам сказать правду или соврать?

- Правду.

- Настроение у меня как у девушки, которую изнасиловали несколько дней назад и попытались убить. Душа и тело болят, голова отказывается делиться правдой, и чувство такое, словно я сошла с ума. А если соврать, то настроение

прекрасное и чувствую я себя превосходно...

- Понятно. Тогда давай ужинать. В пакете продукты и немного личных вещей. Может, перейдем на «ты»?

- Если получится.

Вадим достал из пакета полотенце, белье и отправился в ванную. Его довольно долго не было, и за это время я успела дважды подогреть в микроволновке ужин. Я представляла себе, что я жена Гарманова, что мы вот уже несколько месяцев женаты и я все еще продолжаю испытывать к нему нежные чувства. Я так расфантазировалась, что, когда он действительно появился на кухне, розовый, чистый и такой домашний, мне показалось, что было бы очень естественным, если бы он, склонившись надо мной, поцеловал меня хотя бы в щеку. Но он, конечно, ни о чем таком и не помышлял. Улыбнувшись появившейся перед ним тарелке с борщом, густо посыпанным укропом, Вадим принялся за ужин.

- У вас интересная работа... - пролепетала я, с восхищением рассматривая его красивую голову, черные блестящие волосы, густые ресницы, скрывавшие глаза. Ален Делон ему и в подметки не годился.

- У тебя, - поправил он меня. - Интересная, но отнимает все время. Моя жена не выдержала и бросила меня, поэтому я один. Борщ, кстати, отменный, сто лет не ел ничего подобного...

Я тоже немного поела, несколько ложек - больше не могла, потому что уже очень скоро почувствовала приступ тошноты и страха. Мысль о том, что Гарманов не может здесь ночевать так долго, как мне это потребуется, вызвала в душе ужас. Что будет со мной дальше? Как мне жить с таким непонятным и страшным прошлым?

- Тебе плохо? - услышала я и почувствовала, как в голове моей начинает шуметь, а к горлу подкатывает горечь.

...Очнулась я на диване. Вадим одной рукой держал меня за руку, другой гладил по голове.

– Успокойся, все прошло... Это был легкий обморок. Скоро приедет врач, он тебя осмотрит, и если потребуется, то вернешься в больницу.

– Я не хочу в больницу, – заскулила я и, прижавшись к руке Вадима, заплакала. Нервы были ни к черту.

– Не захочешь, значит, останешься дома. Я и сам терпеть не могу больниц. Понимаешь, я не врач, но и я вижу, что с тобой творится что-то не то, ты нездорова, тебя мучают страхи...

– Я выпью лекарство, и все пройдет...

Вечер был испорчен. Вадим, вероятно, тоже чувствовал свою вину за то, что позволил мне так рано покинуть больницу. Поэтому, когда приехал его знакомый врач, которого он вызвал, когда я была без сознания, он, уединившись с ним на кухне, должно быть, рассказал ему мою историю.

Врач, симпатичный лысоватый мужчина с подвижным лицом и веселыми глазами, одним лишь своим оптимистическим видом подействовал на меня лучше всякого лекарства.

– Побольше ешь, спи, смотри комедии и три раза в день пей вот эти красненькие таблетки. Через пару дней все твои страхи исчезнут без следа, вот увидишь... А что касается твоего физического состояния, то ты сделала совершенно правильно, что вызвала участкового врача и рассказала обо всем, что с тобой случилось. И те уколы, которые она тебе прописала, помогут скорее восстановиться и набраться сил. Время все лечит, ты же понимаешь...

Он разговаривал со мной так, словно мы были с ним в дружеских отношениях, и я просто не могла, не имела права не согласиться с ним или не поверить ему. Когда он ушел, я поняла, что он уже наполовину вылечил меня от моих страхов. Такой вот человек.

Я спокойно вернулась на кухню, перемыла посуду и, постелив постель Вадиму, стала укладываться спать сама.

– Если хочешь, я могу спать с тобой, – вдруг услышала я, и щеки мои запылали. Такого я не ожидала.

– Что вы сказали? – переспросила я, чтобы выяснить, не померещились ли мне эти слова.

– Я сказал, что могу спать с тобой в одной комнате, – как ни в чем не бывало ответил Вадим и предложил мне сесть рядом с ним на диван.

– Но ведь здесь только один диван... И в спальне... одна кровать...

– Мы можем спать на одном диване, но под разными одеялами. Если ты, конечно, захочешь. Так, во всяком случае, ты точно будешь знать, что не одна, что я рядом с тобой...

– Не знаю...

Я действительно не знала, как себя вести. Сначала мне показалось, что он сказал это нарочно, чтобы проверить меня, как я поведу себя, что скажу. Но я, надо признаться, не особенно долго думала, перед тем как согласиться. Перспектива хорошенько выспаться под боком у следователя прокуратуры стоила того, чтобы рискнуть и побыть хотя бы одну ночь самой собой. А чего ради придумывать то, чего нет, если можно вести себя естественно? Пусть он знает, что мне действительно будет куда легче, если он ляжет рядом. Тем более если речь идет о разных одеялах! Да и чего мне его стесняться, если он и без того знает обо мне то, чего даже я, быть может, не знаю сама?!

Я принесла в комнату еще одну постель и устроилась возле стенки. Сначала легла я, в пижаме, скользнула под одеяло со скоростью света. Затем, погасив большой свет и включив ночник, разделся и лег под свое одеяло Вадим. Повернулся ко мне, положил свою руку мне на плечо и вдруг спросил:

– Послушай, Валентина, если ты не очень хочешь спать, можно я тебя кое о чем спрошу?

Я напряглась, даже представления не имея, о чем может пойти речь.

- Конечно, спрашивай...

Я лежала ни жива ни мертва и просто млела от счастья, что лежу на одном диване с таким мужчиной. От него исходило такое сильное мужское обаяние, что тело мое, завернутое в предательски толстое, мешающее чувствовать одеяло, запылало от одной мысли, что мы могли бы лежать под одним одеялом...

- Как ты думаешь, какая причина может не позволить женщине надеть платье, которое ей очень нравится, которое ей сшила ее портниха и которое к тому же очень дорого стоит?

Да, это был, конечно, вопрос жизни и смерти. Платье, портниха... Я ничего не понимала. Тем более что я ждала совершенно других вопросов. К примеру: можно я поцелую тебя в щеку? в губы? обниму за плечи? положу руку на...

- Понимаешь, - Гарманов придвинулся ко мне, и я почувствовала на своем лице его теплое дыхание и неуловимый запах мужского одеколона, - погибла одна женщина.

- Да?.. - Мне показалось, что он чуть не коснулся своими губами моих губ. И меня снова бросило в жар. - Погибла? Какой ужас...

- Да нет, не в том дело. Погибла женщина. В автокатастрофе. Ее машина слетела с трассы в низину, врезалась в деревья и взорвалась. Думаю, она уснула за рулем... Понимаешь, тело сильно обгорело...

Я подумала, что Гарманов сошел с ума. Он забылся. Забыл, что лежит рядом с девушкой, которую надо с помощью психиатров лечить от страхов. А вместо этого он решил рассказать ей на ночь байку про сгоревшую женщину. Ну не дурак? Или же у него свой метод выведения из депрессии? Мне стало даже смешно...

- Действительно, страшная история. Но ведь здесь все ясно.

- Да. Я тоже так думал. Но недавно ко мне пришла ее родная сестра и рассказала довольно странную историю о платье Эмилии. Эмилия - это имя погибшей женщины.

– И что же это за история?

– Как говорит Анна, сестра Эммы, она не могла надеть в день смерти то платье, в котором ее нашли... Ни за какие деньги, ни по какой причине. Из принципа.

– И что же это за платье? И почему она не могла его надеть? Оно что, было ей мало или, наоборот, велико?

– В том-то и дело, что платье сидело на ней, как я понял, идеально. И фасон, и пошив, все отличало это платье... Мне трудно говорить на эту тему, потому что я мужчина и мои слова могут выглядеть нелепыми... Но сестра этой женщины утверждает, что Эмма не могла надеть это платье по той причине... Вернее, это же я в самом начале нашего разговора попросил тебя попробовать назвать мне известные причины, по каким женщина не может надеть платье, которое ей очень нравится.

– Ну, хорошо. Я про себя, конечно. К примеру, я не надела бы платье, с которым у меня связаны определенные неприятные ассоциации. Больше того, я бы постаралась избавиться от этого платья... Кстати, – вдруг вспомнила я, – а что было на мне в тот самый вечер? Меня нашли без одежды? Ведь когда ты привез меня из больницы домой, на мне была только больничная одежда...

– Ты отвлеклась. А мы так не договаривались.

– И все-таки.

– Тебе это очень важно?

– Конечно.

– На тебе ничего не было.

Вот этого я боялась больше всего на свете. Значит, я лежала на улице голая, в крови... Боже...

– Так что там про платье? Ассоциации. Это я понял. Еще, – потребовал он. Мужлан. Грубиян. Я подтянула колени и почувствовала, как двинула ими по

коленям лежащего совсем рядом Вадима.

- Еще? Я не надела бы платье, если бы ткань оказалась колючей...

- Нет, не то. Говорю же, платье было идеальным. И не кололо. Его сшила портниха...

- Портниха. - Я предположила, что причина могла быть связана с портнихой. - Портниха, - повторила я. - Понимаешь, даже если бы я поссорилась с портнихой, я бы все равно надела это платье. Стоп... Существует еще одна причина, по которой я бы не надела это платье. Пятна! Пятна, которые не выводятся.

- Нет, не то... Ладно, я тебе сам подскажу, а ты скажешь мне, существенная ли это причина или нет...

- Подожди, я сама... К примеру, этой женщине мог кто-то нарочно сказать, что это платье ей не идет, что оно на ней плохо сидит или не модное... Или же, - меня понесло, - у нее могла быть аллергия на это платье, вернее, на ткань! Предположим, в ткани была искусственная нитка, которая вызывала зуд и жжение...

- Не то, все не то.

- Ну тогда я не знаю... Или постой, - мне теперь уже не терпелось угадать причину. - Может, это платье без ее ведома надел кто-то?

- Кто? - Вадим вцепился пальцами в мое плечо. - Ну? Говори!

- Какая-нибудь знакомая. Надела, пошла на свидание в нем, перепачкала в салате, заляпала жиром, каким-нибудь соусом, вином... Или же прожгла сигаретами... - Я сделала паузу и добавила чуть слышно: - Или же на платье эта женщина могла обнаружить следы... мужчины...

- В точку! - Гарманов даже привстал на постели и прищелкнул пальцами. - Ее портниха первая надела это платье и испачкала его, я думаю, именно мужчиной... Ты - гений! Думаю, что Майерша просто не осмелилась назвать вещи своими именами. Сперма! На платье были, должно быть, следы спермы.

Вот почему она не могла надеть это платье. Ей было противно, потому что в этом платье она планировала пойти к кому-нибудь в гости, на день рождения... Она брезговала надевать его. И тем не менее, – теперь он уже, несколько не нуждаясь во мне, рассуждал вслух, – в машине ее нашли именно в этом платье. От платья, как и от самой Эммы, практически ничего не осталось. Так, обгоревшие куски ткани, пряжка, пуговицы... А ведь это было вечернее платье. Хотя, по словам мужа, Алексея, Эмма поехала на дачу, чтобы укрыть розы, перекрыть краны, спустить воду из емкости... Туфли на высоком каблуке, вечернее платье... Только маршрут совпадает. Трагедия произошла недалеко от того места, где находится их дача.

– Значит, она ехала вовсе не на дачу, вот и все. А мужа своего, Алексея или как его там, она обманула.

– Ты думаешь?

– Уверена.

– Ну и ладно. Давай спать. Спокойной ночи?

– Спокойной ночи, – прошептала я, чувствуя себя почему-то обманутой. Закрыв глаза, я невольно всхлипнула. Нет, близости я не хотела. Видимо, моя психика была сильно травмирована, меня же все-таки изнасиловали, а не погладили по головке... Но, с другой стороны, как бы мне хотелось, чтобы мужчина, который лежал так близко от меня, хотя бы из нежности обнял меня... Чтобы я поняла, что мной хотя бы не брезгуют.

Я почувствовала, как моего колена коснулась горячая рука.

– Ты не замерзла? – услышала я над самым ухом. – Ты что, уже спишь?

– Сплю.

Он зарылся под мое одеяло, нашел меня, обнял и прижал к себе.

– Ничего не бойся. Я с тобой. – И поцеловал в висок. – Надо бы завтра навестить эту самую Лизу Гусарову.

Глава 8

Обняв Валентину, Гарманов думал совсем о другой женщине. У него из головы не выходили эти стройные ножки в прозрачных чулках, округлые колени... Хрупкая невысокая женщина в черном пальто, полы которого так доверчиво распахиваются при каждом движении... Ему понравилось в ней все, начиная от нелепости ее визита и заканчивая манерой говорить. Чистый, мягкий, словно поющий голос, который завораживает, соблазняет, намекает, зовет. Она пробуждала его к жизни, к любви. Он хотел эту женщину, но понимал, что все его желания так и останутся в мечтах и что он вряд ли еще когда-нибудь увидит ее. Анна Майер. Он не знал о ней ровным счетом ничего. Кроме того, что она является сестрой покойной Эмили Майер. Конечно, он мог бы ей позвонить и назначить встречу под предлогом того, что его заинтересовал ее визит и что история про платье действительно может пролить свет на причину смерти Эммы. Но разве вообще возможно пролить свет на то, что уже закрыто и передано в архив? Обычная автокатастрофа. Да, это трагедия, и тяжелый психологический шлейф ее будет, возможно, долго тянуться в жизни близких погибшей. Но все равно, автокатастрофа всегда автокатастрофа. Экспертиза, произведенная по всем правилам, показала, что машина в техническом плане была исправна, что тормоза в полном порядке, а сама Эмма находилась в трезвом состоянии. Те повреждения, которые обнаружили на ее теле, явились прямым следствием аварии: был проломлен череп, сломаны ребра и тазовые кости...

...Вадим сидел в своем кабинете и курил, глядя в окно. Он впервые за много дней, проведенных в родной прокуратуре, чувствовал себя комфортно: рано утром он принял контрастный душ в чистенькой ванне своей подопечной, плотно позавтракал сырниками, выпил отменный кофе и вообще отогрелся душой и телом. Он даже почувствовал гордость за то, что нашел способ успокоить Валентину, не вызвав в ней никаких ненужных подозрений: просто обнял ее и проспал всю ночь, прижимая ее к своей груди. Совершенно чужую девушку. И ему было приятно это. Он чувствовал, что, отогревая ее, греется и сам. Легкое возбуждение, которое он испытал, он отнес к физиологии, не больше. Еще бы, после такого ужина, горячей ванны оказаться в постели молоденькой девушки! Да в такой ситуации любой возбудится! И она, как ему показалось, поняла его правильно...

Зазвонил телефон. Вадим взял трубку и услышал голос следователя Петра Васильева.

– Бабку Тихонову проверили, у нее действительно нет ни внуков, ни племянников, которых она могла бы покрывать. Судя по тем данным, которые мы получили, она не имеет к этому никакого отношения. Отпечатки пальцев, обнаруженные в квартире на улице Бахрушина, принадлежат Орловой, покойной Басовой и неизвестному лицу, который в нашей картотеке не значится. Ножа или иного предмета, которым были нанесены раны на теле жертвы, так и не обнаружили... Окурки со следами губной помады оставлены убитой Басовой...

Гарманов слушал вполуха. Он и так знал, что хозяйка квартиры, где произошло убийство, Людмила Борисовна Тихонова, ни при чем. Как знал и то, что вряд ли они смогут раскрыть это преступление. Никто из соседей ничего не видел и не слышал. Орлова ничего не помнила, Басова была мертва. Ни за что ни про что какой-то подонок искалечил жизнь оставшейся чудом в живых Валентины и убил Катю Басову. В крови погибшей Басовой, как и у Валентины, была обнаружена лошадиная доза клофелина, которая, возможно, и вызвала потерю памяти Валентины, а перед этим усыпила девушек, дав возможность убийце поиздеваться над ними. Но, со слов Орловой, девчонки не могли пойти с незнакомым человеком в незнакомую квартиру. И Вадим верил ей. Теперь, когда он вот уже две ночи провел в ее квартире, он имел представление о том образе жизни, который она вела. Положительная во всех отношениях девушка, имеет высшее образование, работает, следит за собой, поддерживает порядок в доме и вполне адекватно, нормально реагирует на происходящее вокруг. В ее доме нет спиртного, даже сигарет! Кстати, о сигаретах. Похоже, что убийца тоже не курит, поскольку в квартире Тихоновой обнаружили лишь дамские сигареты, принадлежащие, как показала экспертиза, Басовой. Все это указывает на то, что или Орлова, или Басова хорошо знали убийцу, раз согласились пойти с ним в квартиру. И, поскольку Кати уже нет в живых, а Валя жива, убийца, зная это, но не зная, возможно, о том, что она потеряла память, захочет ее убить, чтобы его не выдали. Вадим не хотел запугивать ее, но не мог не сказать ей о том, что ей грозит реальная опасность. А потому он тщательным образом проинструктировал ее, как следует себя вести: никому не открывать дверь и постараться вообще не выходить из дома. Это два главных условия, которые надо соблюдать, если она не хочет, чтобы ее убрали как свидетеля. Понятно, что она догадывалась об этом. Но если так, то почему выходила из дома? Он понял это, едва взглянул на ее обувь. На ней была свежая грязь. Но он не стал

расспрашивать ее ни о чем. Просто объяснил, как опасно выходить из дома, и все. Замки на дверях у нее вполне крепкие, а ночью он сам охраняет ее. Так что если она будет осторожна и не наделает глупостей, то ей ничего не грозит. Но установить за квартирой слежку он был все-таки обязан. Хотя Валентине об этом не сказал.

Закончив разговор с Васильевым, Гарманов погасил сигарету и вздохнул. Он спросил себя, как долго ему будет позволено жить у Валентины. Кроме того, он понимал, что впервые в жизни ведет себя, мягко говоря, несколько хамовато. Ведь, если признаться себе со всей откровенностью, он согласился поселиться у нее в первую очередь из-за того, что ему самому негде жить. Возвращаться домой он не мог и не хотел. В голову лезли мысли о том, чтобы снять квартиру. Но, во-первых, это дорого, а во-вторых, он будет проводить в ней всего несколько часов. Так стоит ли из-за этого тратить практически всю зарплату на квартиру и оплату телефонных счетов, когда можно попытаться договориться и снять у той же Валентины комнату хотя бы за сто долларов в месяц? И если получится, то попросить ее готовить ему завтраки и ужины. Какая ей разница, сколько яиц разбить на сковородку: одно или два? Сварить суп на одного человека или на двух? Ей это будет просто, а у него появится возможность жить почти семейной жизнью, оставаясь при этом холостяком! От этих мыслей настроение его резко поднялось. Поэтому, когда снова зазвонил телефон, он, улыбаясь про себя, схватил его с особым, радостным чувством приближающейся новой жизни.

– Гарманов у телефона.

– Вадим Александрович? Это Анна Майер. Я бы хотела встретиться с вами.

Он не поверил своим ушам. Анна. Удивительно. Она словно прочла его мысли.

– Где вы сейчас находитесь?

– У крыльца вашей конторы. Я в машине. Могу подняться, если вы не заняты, или, если хотите...

– Я сам к вам спущусь.

– Да?

Она была явно удивлена. А как был удивлен он! От радости, что она позвонила, забылся и повел себя как мальчишка, зачем-то согласился встретиться с ней в машине.

Он даже забыл спросить, какая именно машина, мгновенно набросил на себя куртку и выбежал из кабинета. Спустился, вышел на крыльцо и сразу же увидел одинокую маленькую фигурку в черном пальто. Сердце его забилось. Он подошел к ней и поздоровался.

– Вадим Александрович, мне надо поговорить с вами, – сказал Анна Майер, жестом приглашая его сесть в старенький «Фольксваген». – То, что я сейчас вам расскажу, немного удивит вас. Но если бы вы знали, в каком состоянии от того, что произошло вчерашним вечером, были мы с Алексеем...

Какая чувствительная и эмоциональная особа. Ну что такого могло произойти вчера вечером? Да она пришла просто потому, что почувствовала, как она нравится ему... Он был уверен в этом.

– Вчера я заехала к Алексею, чтобы немного поддержать его. Он начал пить... Совсем раскис. У меня есть ключ от его почтового ящика. Так вот. Открываю я его, а там – извещение. Словом, пришла посылка. На его имя. Без обратного адреса. А в ней, знаете, что оказалось?

– Нет...

– Платье Эммы. Зеленое, джерси. Я очень хорошо знаю это платье. Оно было сшито тоже Лизой Гусаровой. Оно очень шло Эмме...

– Ничего не понял. В посылке было платье вашей сестры?

– Ну да! И еще записка. Вот. – И она протянула ему записку.

Он прочел: «Алексей, привет! Буду через полчаса, пожалуйста, разогрей курицу и сделай салат. Майонез в ведерке в холодильнике под окном. Целую, Эмма».

– Какая странная записка, – покачал он головой. – Написана печатными буквами.

– Да, мы решили, что тот, кто это сделал, нарочно писал печатными буквами, чтобы невозможно было определить, чья рука... Эмма писала красивым почерком, очень характерным, с наклоном в обратную сторону... Как вы думаете, кому понадобилось так издеваться над бедным вдовцом? Мы с ним были в шоке... И представляете себе наше состояние, когда ровно через полчаса в дверь позвонили?! Мы подскочили... Словом, вели себя как перепуганные дети. Оказывается, пришла женщина, просила денег за уборку подъезда... Понимаете, записка написана в таком духе, как если бы Эмма была жива...

– А майонез действительно был в холодильнике под окном?

– Конечно, нет. Этот холодильник, а по сути, шкафчик под окном, у них давно не функционирует. В нем лежит прошлогоднее варенье и все такое... А майонез Эмма всегда хранила в нормальном холодильнике. «Разогрей курицу...» Получается, что она как бы с того света продолжает заботиться о нем и даже целует его в конце записки. А если бы Алексей страдал болезнью сердца?

– Но ведь не страдает?

– Нет, слава богу. Вот поэтому-то я и приехала к вам.

– А где посылка?

– На заднем сиденье. Вы можете забрать ее. Она не могла оставаться у Алексея. Он бы с ума сошел, если бы я оставила ее там... Может, вы выясните, откуда она была отправлена?

Она вышла из машины, открыла заднюю дверцу и достала большой пакет, в котором было что-то прямоугольное с острыми краями, похожее на ящик.

– Вот, держите. – Анна вручила ему пакет. – Я вот что думаю: а что, если эта ее поездка и эта посылка как-то связаны между собой? Ну разве все это не странно? Вадим Александрович, ну что вы так на меня смотрите? Вы думаете, что я сумасшедшая, которой нечего делать, и она водит вас за нос? Поверьте, я ничего не придумала!

– Что вы, я ничего такого и не предполагал... А смотрю я на вас так потому, что...

Она заглянула ему в глаза и, словно прочтя в них что-то, отвернулась. Несколько мгновений молчала. Вадим решил взять инициативу в свои руки:

- Понимаете, я следователь... Вы - сестра Майер. Все понятно. Но вы мне нравитесь, Анна. Быть может, поэтому я и смотрю на вас несколько иначе, чем если бы вы были просто посетительницей. Теперь вы понимаете?

Анна покраснела.

- Вадим Александрович, что вы такое говорите. У меня сестра погибла...

- Вы замужем? - Он уже не мог остановиться. Ему хотелось узнать о ней как можно больше.

- Нет. Я вдова. Но какое это, в сущности, имеет значение?

- Правильно, ровно никакого. Но все-таки... Значит, вы - свободная женщина?

- Всякая женщина свободна, равно как и мужчина. Разве вас этому еще не учили?

Теперь была его очередь краснеть. Да уж, жена успела научить его этому пониманию свободы в браке.

- Тогда спрошу конкретнее: сегодня вечером вы свободны?

- Вообще-то, я хотела навестить Алексея...

- Навестите, мы можем встретиться позже.

И тут ему стало дурно: он вдруг понял, что ему совершенно некуда будет привести эту роскошную женщину. Кафе и ресторан отменяются сразу. Там нет кроватей, диванов, кушеток и прочей подходящей мебели. Не к Валентине же ее вести! И тут вдруг до него донеслось:

– Я бы могла пригласить вас к себе, но у меня почти пустой бар... Я после похорон Эммочки все спиртное отдала Алексею...

Вадиму было неприятно, что Анна так часто упоминает имя своего зятя. Зять – это же не муж, в конце-то концов! Смутная догадка несколько охладила его пыл: а может, они любовники? Убили Эмму, а теперь валяют дурака? Но мысль как пришла, так и ушла, оставив в душе слабый след.

– Я спокойно отношусь к спиртному. Коньяк я принесу.

Он вдруг понял, что она имела в виду, когда сказала о том, что ее бар пуст. Вероятно, она еще не вполне готова к тому, чтобы принимать у себя мужчину – не может прийти в себя после смерти сестры. Но жизнь-то не остановилась, она продолжается. Безусловно, он понимал, что рассуждает как настоящий эгоист. Но ничего не мог с собой поделать. Он стоял рядом с женщиной и видел ее уже не только без пальто, но и без платья, без всего, и она показалась ему восхитительной.

– Вы мне хотя бы намекните, где вы живете, – улыбнулся он, не отрывая от нее глаз. – И телефон свой оставьте...

Когда она уехала, он еще некоторое время смотрел ей вслед. С одной стороны, он испытывал стыд за свою несдержанность, с другой – радость, потому что ему все же удалось уговорить ее встретиться с ним. И он знал, чувствовал, что встреча непременно состоится и что Анна Майер, эта маленькая хрупкая женщина с повадками чистенькой, аккуратной домашней кошки, не обманет его ожиданий и не превратит многообещающее свидание в вечер поэзии Серебряного века. Во всяком случае, он очень на это надеялся.

С большим, но совсем не тяжелым пакетом в руках он поднялся к себе в кабинет и достал посылку. Он не был уверен, что держит в руках вещдок. По его мнению, этого вдовца, Тарасова, просто кто-то изводил таким вот циничным образом. Но, с другой стороны, как могло случиться, что у этого человека оказалось платье погибшей Эммы? Возможно, это ошибка, и платье всего лишь копия настоящего платья...

Гарманов поймал себя на том, что его стали раздражать все эти платья Эммы Майер. Слишком уж много было разговоров и мыслей на эту тему. Тем не менее

ящик он вскрыл, достал зеленое платье и разложил на столе. От него даже сейчас, после того как оно какое-то время пролежало в фанерном ящике, исходил слабый, но приятный аромат духов. Красивое платье из нежной зеленой трикотажной ткани, способной принять любую форму. Вадим взял его за плечики и встряхнул, чтобы представить себе, как выглядела Эмма Майер в этом платье живая. Судя по всему, у нее была стройная фигура. Тонкая талия, полная грудь и небольшой рост. И вот теперь ее нет, а он, следователь прокуратуры, словно какой-нибудь маньяк, держит в руках ее платье. Что он ответит, если к нему в кабинет кто-нибудь заглянет и увидит его с платьем в руках. Вещдок? Но тогда ему придется оформить его по всем правилам, а для этого вновь встретиться с Эммой... Вернее, с Анной. Эмма, Анна. Скорее всего, сестры были чем-то похожи. На то они и сестры.

Вадим уложил платье в пакет и сунул в свой кейс. А ящик сунул в сейф с мыслью о том, что если понадобится, то он выяснит, из какого именно почтового отделения эта посылка была отправлена. Но в душе он почему-то был уверен, что этого не произойдет и что эта посылка останется единственной в своем роде. Мало ли психически нездоровых людей в обществе, чтобы пытаться в каждом увидеть преступника? Может, это платье было украдено из квартиры Тарасова в момент похорон супруги. Обычно в такой траурный день квартира набивается народом, случайными людьми. Кто знает, может, среди них и затесался какой-нибудь идиот, который был в свое время влюблен в Эмму и после ее смерти решил отомстить ее мужу за то, что тот заставил жену вместо себя поехать на дачу закрывать розы...

Бред. Какой же это бред. Но и посылка тоже пахнет шиззой.

Он позвонил Валентине, спросил, как дела, как самочувствие, настроение и, получив ответ («Все отлично, готовлю ужин»), осторожно сказал, что задержится на работе, и предупредил лишний раз, чтобы она никому не открывала дверь.

– Не беспокойтесь за меня. Никому не открою.

– Тогда до вечера?

– До вечера...

Он решил, что она на самом деле чувствует себя вполне нормально. Это означало, что он со спокойной совестью может провести вечер в компании другой женщины. С этой мыслью он достал папки текущих дел и погрузился в работу. А около семи вечера, когда, голодный и уставший, посмотрел в окно и понял, что просидел за столом, не вставая, около четырех часов, он уже с несколько другим чувством, явно поостыв, принялся набирать номер телефона Майер. Мысль о том, что сейчас, когда голод заглушил все остальные чувства, ему придется ехать на другой конец Москвы, чтобы заниматься любовью с женщиной, вызывала досаду. Он достаточно хорошо знал себя, чтобы спрогнозировать дальнейший ход событий. Сейчас он приедет к Анне, и первое, что будет его беспокоить, это ужин. Накормит ли она его? Голодный он был, как правило, злой. А потому ему пришло в голову сначала заехать к Валентине, поужинать, а уже потом, сославшись на неотложные дела, навестить Майер. Так он и сделал.

Валентина встретила его с улыбкой, накормила, рассказала, что почти весь день проспала, после чего так же с улыбкой проводила, попросив на прощанье позвонить и предупредить о приезде.

– Понимаешь, вечером и особенно ночью откуда-то наваливается столько мрачных мыслей... Если получится, то приезжай поскорее. У тебя снова интересное дело?

– Да как тебе сказать... – замялся он, чувствуя угрызения совести из-за того, что ему приходится лгать. – Интересное, конечно. И опасное.

– Тогда будь осторожен.

Он, не выдержав, поцеловал ее в щеку и, махнув рукой на прощанье, поехал к Анне.

Глава 9

Увидев в своем почтовом ящике еще одно извещение, Алексей понял, что сходит с ума. Как сомнамбула, он вышел из подъезда, сходил на почту, получил легкую,

как пух, бандероль и вернулся с ней домой. Вот теперь, когда он был в квартире совсем один, ему стало не по себе, и он пожалел, что рядом нет Анны. С ней было бы не так страшно...

Взяв ножницы, он разрезал бечевку, сломал сургучные шоколадные печати, распаковал сверток и увидел полиэтиленовый пакет, в котором просматривались какие-то вещи. Он открыл его и увидел кружевное женское белье и тонкие, телесного цвета, колготки. Это были ее вещи. И он узнал их.

Алексей бросился к телефону. Набрал номер Анны. Сначала были долгие гудки, после чего раздался щелчок: трубку взяли. Он ничего не сказал и бросил трубку. Анна была дома, а это было главным. Он быстро собрался и поехал к ней. Поездка на метро и автобусе казалась неимоверно долгой и невыносимой. Он считал остановки и старался не смотреть на окружающих его людей. Однако в нескольких женщинах он узнал свою жену. Со спины, но это и неважно... Эммы не было, и он никогда не услышит ее голоса, не сможет обнять ее и прижать к себе. Она жила теперь только в его памяти.

Он руками ощутил мягкость свертка и ужаснулся тому, что произошло. Здесь, в метро, среди людей, эта посылка показалась ему еще более страшной, чем дома. Ведь Эммы не было, а ее вещи лежали сейчас в пакете у него на коленях и жили своей жизнью. Откуда они? Кто их прислал? Кто же так ненавидит его? Он мог только догадываться...

К счастью, у него были ключи от квартиры свояченицы. Вернее, прежде они принадлежали Эмме, но теперь, когда ее не было, они стали принадлежать ему, как и остальные ее вещи: одежда, сумочки, книги, часы... То, к чему он раньше не был допущен, теперь стало его личной собственностью, и он мог часами перебирать эти вещицы, представляя себе Эмму...

Возле дома Анны он остановился и посмотрел вверх, нашел ее окна и, убедившись, что в них горит свет, обрадовался как ребенок и бросился к подъезду. Быстро поднялся и позвонил в дверь. Долго ждал, но ему так никто и не открыл. Тогда он позвонил еще несколько раз, и все с таким же результатом. Что ж, вероятно, она куда-то отошла, возможно, в магазин. Он откроет, подождет у нее дома. Не мерзнуть же на улице. Она простит. Особенно после того, как он покажет ей посылку...

Он достал ключи и тихо, чтобы не привлекать внимание соседей, принялся отпирать замок. На это ему понадобилось всего несколько секунд. Когда он понял, что дверь открыта, он осторожно толкнул ее и вошел. В передней было темно. Однако из комнаты лился оранжевый уютный свет. Значит, она ушла ненадолго...

Алексей по привычке разулся и хотел уже пройти в комнату, как вдруг услышал какие-то звуки. Словно кто-то задыхался. Он даже не успел ничего предположить, как ноги сами принесли его к двери. Алексей заглянул в комнату, и первое, что он увидел, это большой красный ковер, на нем – серебряный поднос, а на подносе – красивая бутылка и блюдо с очищенными апельсинами. Рядом раскрытая коробка с конфетами, а чуть подалее, ближе к креслу, еще одно плоское блюдо с бутербродами.

На кровати он увидел два обнаженных тела. Ноги женщины были подняты высоко, и между ними сверкала густая блестящая шевелюра мужчины.

Алексей вернулся в переднюю и долго стоял, не в силах пошевелиться. Его тошнило при мысли, что его свояченица принимает у себя мужчину и ведет себя как последняя шлюха. Это у них семейное...

Внезапно дверь распахнулась, и из комнаты выбежал мужчина. Обнаженный, мокрый, возбужденный, он ринулся на кухню, почти через мгновение вернулся оттуда с бутылкой минеральной воды... Алексей слышал, как они говорят, смеются. Он ненавидел их за то, что они в такой момент, когда ему так нужна Анна, занимаются развратом, утоляют свою страсть и ничего не желают знать о его страданиях.

Он вышел из квартиры, с силой хлопнул дверью и бросился к лестнице, ничего не видя перед собой от обиды и душивших его слез. Часа два ходил по улице, прижимая к груди пакет с бандеролью, пока, промерзший до костей, не вернулся и не позвонил в дверь Анны. Как ни странно, на этот раз она открыла ему довольно быстро.

– Это ты? – удивилась она. – А я думала, соседка. Только что была у меня, сказала, что принесет соду... Заходи. У тебя совсем больной вид.

– Зато у тебя здоровый.

Он вошел и снова оказался в знакомой уже прихожей, залитой оранжевым, льющим из гостиной светом.

- Что-нибудь случилось? Алексей, что это ты так странно смотришь на меня?

- А ты не понимаешь?

- Нет...

- И тебе не стыдно?!

- Ты о чем? - Она стояла перед ним, придерживая на груди шелковый розовый халат, и он понял вдруг, что видит ее обнаженную, такую же, какой бывала иногда в своем, очень похожем на этот, халатике его жена Эмма. Она точно так же придерживала его на груди, не желая, чтобы он, ее муж, видел ее грудь, ее живот и бедра...

- У меня был ключ, - сказал он в отчаянии, - ключ Эммы от твоей квартиры. Теперь поняла?

- Нет... - пролепетала она, явно смущаясь и с тревогой глядя на него. Она лгала, по его мнению, одним лишь своим взглядом, делая вид, что ничего не понимает. Ее тело еще не остыло от прикосновения мужских рук, зато лицо уже успело надеть маску неведения и скромности.

- Я был здесь часа два назад. Звонил, а ты не открывала. Свет в окнах горел, поэтому я решил, что ты просто отошла куда-то на пять минут, в магазин, например. Поэтому открыл дверь и вошел...

- Ты был здесь? - Вот теперь ее лицо стало пунцовым. Наконец-то и оно выдало ее с головой. - Да как ты посмел?

- А что мне еще оставалось делать, когда я ехал к тебе через весь город, чтобы рассказать, что произошло, а ты мне не открываешь... Я подумал, что ничего особенного не случится, если я войду в твою квартиру...

– И что же?.. – Вероятно, она хотела спросить «И что же ты здесь увидел?», но не посмела.

– У тебя был мужчина. Я разозлился, хлопнул дверью и ушел...

– Значит, мне это не показалось, – сказала она задумчиво. – Я слышала, как хлопнула дверь... И почему же ты разозлился? Тебе что-то не понравилось в моем поведении?

– Я не хочу комментировать...

– Вот и правильно. Это – моя жизнь. Ты что же это думаешь, что я не имею права на личную жизнь?

Он бросил быстрый взгляд вниз на ковер, где еще недавно видел поднос с бутылкой и апельсинами. Сейчас на нем ничего не было. Апельсины, вероятно, съедены, вино выпито, а бутылка вместе с апельсиновой кожурой в мусорном ведре.

– Ты очень похожа на Эмму, – сказал он просто, как если бы был уверен, что этой фразой все объясняется.

– Ну и что, что похожа?

– А то, что, увидев тебя с мужчиной, я увидел ее... Я был взбешен. А еще я подумал о том, что сейчас, когда в нашей семье траур, ты не имеешь права быть с мужчиной. Хотя бы ради нее, ради Эммы и ее памяти.

– Да брось ты. Не прикидывайся ханжой. Ты всегда играл роль скромника, хотя на самом деле мучил мою сестру своей любовью. Ты ей проходу не давал... И тебе было все мало и мало. Она, бедняжка, не знала, куда от тебя деться. Пряталась от твоих приставаний на работе...

У него было такое чувство, словно его ударили по лицу.

– Это она тебе сказала?

Глупый вопрос. Конечно, она, Эмма, а кто же еще мог рассказать ей такое об их супружеских отношениях. Выходит, Эмма жаловалась сестре на него. Ей было неприятно с ним?

- Брось хотя бы сейчас притворяться! Ты же знаешь, что она никогда не любила тебя, и ее тошнило от близости с тобой. И ты, Алексей, все знал. Знал, но все равно не отпускал ее...

- Что значит не отпускал? Мы никогда не говорили с ней о разводе.

- Да потому, что она жалела тебя и не могла сама, первая, бросить.

- Ты все лжешь...

Он вдруг, не помня себя от злости, двинулся на Анну, вытянув вперед руки. Кровь пульсировала в висках, тело казалось чужим. И вдруг он увидел Анну, распростертую на красном ковре и корчившуюся в его руках от боли. Его руки сжимают ее горло...

Он отшатнулся от нее, и видение сразу исчезло. Его воображение помогло удовлетворить реальное желание причинить Анне боль или даже убить ее.

- Ты испугал меня, - услышал он как сквозь вату. - У тебя сейчас был такой взгляд, словно ты хочешь убить меня... Может, ты и на Эмму смотрел таким взглядом? Разве так можно? Нельзя, понимаешь, нельзя так ненавидеть... Я понимаю, что ты горюешь о ней, что сейчас у тебя все несколько сместилось и приобрело траурный налет... Но жизнь продолжается, и ты не имеешь права врывать в мою жизнь, открывать дверь моей квартиры своим ключом. Таковы правила жизни. Поэтому, прошу тебя, верни мне ключи и никогда не делай этого...

- Извини. - Он отдал ей ключи и тяжело опустился на стул, закрыв ладонями лицо. - Ты права. Я не должен был говорить тебе все это... Я даже не буду спрашивать, кто тот мужчина.

- Тогда проходи. Успокойся. Сейчас я согрею ужин, попьем чайку. И ты тоже извини меня. Я тоже не должна была говорить тебе то, что сказала про Эмму...

Пойдем. – Она ласково потрепала его по щеке и, взяв за руку, втянула в комнату. – Садись. Так что у тебя случилось, раз ты приехал ко мне?

Она спросила это скорее из вежливости, потому что, говоря это, направлялась на кухню, словно заведомо знала, что его визит не может быть связан ни с чем серьезным. Разве что с тоской.

– Подожди, – он резко окликнул ее. – Подожди. Я же тебе еще ничего не сказал...

– Ну хорошо. – Она покорно вернулась в комнату и села напротив него на диван. На тот самый диван, где еще не так давно постанывала в объятиях мужчины. – Так что случилось?

– Еще одна посылка. Вернее, бандероль.

– Что? – На лице ее появилось изумление. – Бандероль? И что же в ней?

Он принес из прихожей пакет и вывалил содержимое прямо на стол.

– Это ее вещи, я точно знаю...

– Ее? Понимаешь, когда я увидела платье, то сразу поняла, что это именно ее платье. Но что касается белья... Я не могла знать все ее вещи, тем более такого рода... Ты – ее муж, тебе видней... А записка есть?

– Записка? Не знаю... – Он запустил руки в ворох кружев, поворошил и вдруг извлек оттуда крохотный листок бумаги. – Есть... Надо же, я даже не заметил...

Дрожащими руками он развернул листок, и буквы заплясали перед ним: «Алексей! Я сегодня немного задержусь на работе. Не жди меня, ужинай один. Целую, Эмма».

Анна тоже пробежала глазами записку.

– Все то же самое. Обычная будничная записка, вот только написана не Эммой. Чертовщина какая-то. Ты сам-то не предполагаешь, кто может так тебя ненавидеть?

- Ты уже спрашивала, - раздраженно проговорил он. - Понятия не имею!

- А я не вижу смысла в этих записках и посылках. Чего он добивается?

- Кто это - он?

- Ну, хорошо, не он, а она. Так тебя устраивает больше?

- Откуда мне знать, кто посылает мне эти посылки: мужчина или женщина?

- Не заводись. Ты же понимаешь, что я здесь ни при чем. Просто пытаюсь понять смысл этих циничных посланий, но пока что ничего не понимаю... Хочешь выпить?.. Хотя... думаю, тебе нельзя так часто пить. И я не должна была предлагать тебе...

- Мне все равно: пить или не пить. Все равно все болит, болит невыносимо... Но кто-то хочет, чтобы боль была еще сильнее.

- Если хочешь, оставайся ночевать у меня.

Алексей повернулся и снова взглянул на красный ковер. Ему показалось, что он уже не красный, а синий. И даже не ковер, а плед. Темно-синий, в голубую клетку. А вокруг него - зеленая трава. Задрав голову, он вместо потолка увидел солнечное бездонное небо и медленно плывущие по нему пухлые золотистые облака...

- Пожалуй, я останусь у тебя, - сказал он, чувствуя, что теряет последние душевные силы. - Не знаю, сколько еще потребуется времени, чтобы я вернулся к нормальной жизни, но пока я не готов...

- Оставайся, конечно... - Анна с заботливостью матери обняла его за голову и прижала к груди. - Время все вылечит.

Вадим вернулся за полночь. Валентина, задремав на диване перед телевизором, не сразу услышала звонок. Ночные звонки всегда кажутся тревожными. Вот и на этот раз она сквозь звонки услышала биение своего сердца. Оно казалось оглушительным, бухающим, как если бы сердце было размером с комнату.

– Кто там? – спросила она, подойдя к двери и сквозь «глазок» видя лишь смутный силуэт человека: на лестнице был полумрак. – Кто?

– Валентина, это я, Гарманов. Извини, что не позвонил и не предупредил. Забыл, – признался он.

Она распахнула дверь. Он ее не обманул. Пришел. И она его дождалась, ни разу не ударившись в панику, в страх, в ужас. Вечер прошел на редкость гладко. Видимо, ее увлек фильм, который длился почти три часа.

– Вы будете ужинать?

– Ты, – подсказал он ей.

– Ну хорошо: ты будешь ужинать?

– Нет, спасибо. К тому же, насколько я помню, я уже ужинал.

– Как хочешь... Просто я подумала, что ты был на задании, ловил, наверное, кого-нибудь, устал, проголодался.

– Ты классная девчонка. – Он обнял ее и поцеловал в макушку. – И я ужасно рад тому, что с тобой познакомился. Знаешь, у меня к тебе есть серьезный разговор.

Он прошел на кухню и выпил воды прямо из-под крана.

– Если опять про больницу, то можешь и не начинать.

– Нет-нет, – заверил он ее. – Больница здесь ни при чем. Понимаешь, мне очень понравилась и ты, и твоя квартира, и тот дух, который здесь обитает... Ты только не удивляйся моему предложению, обещаешь?

– Не знаю... Вообще-то я не люблю давать никаких обещаний. Они слишком ко многому обязывают.

– Пусть так. Словом, я хотел бы снять у тебя комнату или угол, как угодно... Ты уже поняла, что со своей женой я в ссоре. Вероятно, что мы разведемся с ней в скором времени. У меня вопрос с квартирой так быстро не решится, а жить-то мне где-то нужно. Вот я и подумал: а что, если мне пожить у тебя как на квартире, за деньги? Словом, хочу быть твоим жильцом, квартирантом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/danilova_anna/komnata-smeha

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)